

I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Теоретико-правовые основы законодательных перечней: от концепции к практике применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 326–350. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350.

Ghambaryan A. S., Dallakyan L. G. *Teoretiko-pravovye osnovy zakonodatel'nykh perechney: ot kontseptsii k praktike primeneniya* [The Theoretical and Legal Foundations of Statutory Lists: From the Concept to Practical Application]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 326–350. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350.

УДК 340.13

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-326-350

**Теоретико-правовые основы законодательных перечней:
от концепции к практике применения****А. С. Гамбарян**Российско-Армянский (Славянский) университет
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com**Л. Г. Даллакян**Российско-Армянский (Славянский) университет
E-mail: Lilit.dallakyan@rau.am**Статья поступила в редакцию 30.04.2025**

Введение: в статье анализируется и разрабатывается концепция закрытых (*numerus clausus*) и открытых (*numerus apertus*) законодательных перечней, являющихся важным инструментом законодательной техники. Каждому виду перечня свойственны особая структура и специальные языковые средства, которые явно либо имплицитно указывают на закрытый либо открытый характер списка соответственно. **Целью** работы является анализ особенностей и классификация видов законодательных перечней, а также изучение судебной практики их применения, так как неправильный выбор вида перечня, ошибки в технике его формулирования или неверная квалификация перечня правоприменителем влечет за собой серьезные негативные последствия для правового регулирования. **В результате** научно-практического анализа осуществлена авторская классификация закрытых перечней согласно их расположению в элементах структуры правовых норм и полноте перечисления (полные и неполные закрытые перечни), а также проведена классификация открытых перечней согласно различным способам перечисления элементов списка и применению конкретизирующих языковых средств (простые перечни и перечни конкретизирующего характера). Кроме того, посредством анализа законодательства и судебной практики выведено понятие симулякра закрытых перечней, создающего иллюзию исчерпывающего списка, а также выявлено соотношение *numerus clausus* и максимы *expressio unius*, являющейся широко используемым в зарубежной судебной практике правилом интерпретации. **Выводы:** дифференциации открытых и закрытых списков и их подвидов, размежевание открытых перечней и неполных закрытых перечней, выявление симулякров закрытых перечней способствуют более глубокому пониманию их функциональной роли в правовом регулировании. Критический анализ судебной практики, в частности изучение применения *expressio unius*, исследование особенностей «открытия» судами закрытых законодательных перечней посредством развития права, выявление различных подходов судов к толкованию и коррекции

© Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

списков позволяют прийти к выводу о сложности и многогранности категории «законодательный перечень» и необходимости систематизации специальных знаний о всех его аспектах.

Ключевые слова: классификация законодательных перечней; *numerus clausus*; *numerus apertus*; *expressio unius*; развитие права *contra legem*; симулякр закрытого законодательного перечня; неполный закрытый перечень; открытый законодательный перечень с применением конкретизирующих языковых средств

The Theoretical and Legal Foundations of Statutory Lists: From the Concept to Practical Application

S. Ghambaryan

Russian-Armenian (Slavonic) University

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

L. G. Dallakyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

E-mail: Lilit.dallakyan@rau.am

Received 30 Apr 2025

Introduction: the study analyzes and develops the concept of closed (*numerus clausus*) and open (*numerus apertus*) statutory lists, which are an important tool of legislative technique. Each type of lists is characterized by a special structure and special linguistic means that explicitly or implicitly indicate the closed or open nature of a list. **Purpose:** the article aims to analyze the types of statutory lists and provide a classification thereof, as well as to study judicial practice in their application. This is essential since a wrong choice of the type of list, errors in the technique of its formulation, or incorrect classification of a list by a law enforcer entails serious negative consequences for legal regulation. **Results:** the authors have developed a classification of closed lists according to their location in the elements of the structure of legal norms and to the completeness of the enumeration (complete and incomplete closed lists) as well as a classification of open lists according to various methods of enumerating their elements and the use of specifying language tools (simple lists and lists of a concretizing nature). In addition, through an analysis of legislation and judicial practice, the authors have derived the concept of a simulacrum of a closed list, which creates the illusion of an exhaustive list, and also have elucidated the relationship between ‘*numerus clauses*’ and the maxim ‘*expressio unius*’, which is a rule of interpretation widely used in foreign judicial practice. **Conclusions:** the differentiation of open and closed lists and their subtypes, the distinction made between open lists and incomplete closed lists, and the identification of simulacra of closed lists, all contribute to a deeper understanding of their functional role in legal regulation. A critical analysis of judicial practice, including the study of the application of ‘*expressio unius*’, the study of the ‘opening’ by courts of closed statutory lists through the development of law, the identification of different approaches of courts to the interpretation and correction of lists, indicates the complexity and multifaceted nature of the category of ‘statutory list’ and the need to systematize special knowledge about all its aspects.

Keywords: ‘classification of statutory lists; *numerus clausus*; *numerus apertus*; *expressio unius*; development of law *contra legem*; simulacrum of a closed statutory list; incomplete closed list; open statutory list with concretizing language means applied

Введение

В эпоху динамично изменяющегося и усложняющегося законодательства владение правотворческой техникой оформления законодательных перечней, а также обладание практическими навыками их толкования и применения приобретают особое значение и актуальность. Настоящая статья посвящена анализу особенностей формирования и классификации открытых и закрытых законодательных перечней, раскрытию их значения для правотворчества и правоприменительной деятельности, в том числе

изучению судебной практики их применения, так как неправильный выбор вида перечня, ошибки в технике его формулирования или неверная квалификация перечня правоприменителем влекут за собой серьезные негативные последствия для всего правового регулирования. Соответственно, объектом данного исследования являются законодательные перечни, которые выступают в качестве важного элемента законодательной техники и одновременно объекта правоприменительной деятельности, предметом исследования – проблемы формирования, толкования, применения и классификация их видов.

В ходе работы использованы историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования, системный анализ законодательства и доктринальных источников, методы дедукции, индукции и абстрагирования, а также эмпирический метод, примененный для анализа обширной судебной практики.

Таким образом, данная статья представляет собой комплексное исследование, результатом которого является разработка теоретических основ концепции закрытых (*numerus clausus*) и открытых (*numerus apertus*) законодательных перечней, выполненная с опорой на всесторонний анализ законодательного материала и проблем правоприменительной (судебной) практики, послуживших основой представленных теоретических положений.

1. Общие положения о законодательных перечнях

1.1. Закрытые (*numerus clausus*) и открытые (*numerus apertus*) законодательные перечни

Законодательные перечни представляют собой системы, состоящие из элементов, имеющих юридическое значение, и бывают двух видов: закрытые и открытые.

Закрытый перечень технически завершается точкой, поставленной непосредственно после последнего из перечисляемых элементов, из чего следует, что перечисление является исчерпывающим, и правоприменитель, как правило, не может добавить другие элементы в этот список. Для обозначения того, что установленный законодательством перечень (список) является закрытым, или исчерпывающим, часто используется латинская формулировка *numerus clausus*, в которой слово *numerus* буквально означает «номер» или «число», а слово *clausus* – «ограниченный», соответственно, *numerus clausus* переводится как «ограниченное количество».

Как показали исследования, сам термин *numerus clausus* возник в немецкой юридической литературе, в которой он применялся для описания вещных прав и в контексте того, что не только количество, но и содержание имущественных прав ограничено. Ученые отмечают, что «...применительно к вещному праву ранние упоминания термина “*numerus clausus*” появились в проекте Германского гражданского кодекса, разработанного Гирке (Von Gierke 1889), а также учебниках Ортманна (Örtmann 1899) и Хека (Heck 1930), где авторы ссылаются на “*numerus clausus*” для описания правила в немецком праве, согласно которому только законодательство, в частности Германский Гражданский кодекс, может определять, что является вещным правом и каким может быть содержание такого вещного права» [17, с. 5].

Противоположностью *numerus clausus* является термин *numerus apertus*, под которым подразумевается открытый перечень/список. Открытый перечень технически сформулирован таким образом, что после последнего элемента списка следует, к примеру, такая формулировка, как «и т. д.», из чего можно заключить, что список не является исчерпывающим и правоприменитель может добавлять в него другие элементы, аналогичные элементам списка.

В юриспруденции распространенным примером *numerus clausus* и *numerus apertus* является законодательная техника перечисления обстоятельств,отягчающих и смягчающих уголовную ответственность. Например, в уголовном законодательстве Армении обстоятельства, отягчающие ответственность, изложены в логике *numerus clausus*, а смягчающие обстоятельства – в логике *numerus apertus*.

Техника закрытого и открытого перечней имеет как преимущества, так и недостатки. Закрытый перечень наделен высокой степенью определенности, в результате чего усмотрение правоприменителя существенно ограничено и он, как правило, лишен возможности добавлять новые элементы в закрытый список. С другой стороны, закрытый перечень лишен гибкости, и правоприменитель не имеет возможности адаптировать закрытый перечень к меняющимся условиям. Внесение изменений либо дополнений в закрытый перечень в целом является прерогативой законодателя.

В отличие от закрытого, открытый перечень является более гибким, поскольку правоприменитель имеет возможность дополнить этот список новыми элементами с помощью соответствующих правил толкования. Вместе с тем открытый перечень не обладает высокой степенью определенности, что может привести к необоснованному расширению пределов усмотрения правоприменителя.

Для формулирования открытого перечня используются два основных способа перечисления: простое перечисление и перечисление конкретизирующего характера (с детализирующими элементами).

В случае простого перечисления список завершается формулировкой «и т. д.» или «другие случаи», из чего однозначно следует, что данное перечисление не является исчерпывающим. Например, согласно статье 8 Закона Республики Армения (далее – РА) «О рекламе» запрещается реклама, которая нарушает пристойность рекламы, а именно (среди прочего) прямо или косвенно порочит или выражает неуважение к государственным символам (гербу, флагу, гимну, валюте и т. д.)¹. Указанный список государственных символов является *открытым*, то есть по смыслу закона государственными символами могут считаться, например, государственные

¹ О рекламе: Закон Республики Армения от 31 мая 1996 г. № 55 // Бюллетень Нац. Собрания РА. 1996/10 (1110), ст. 120.

награды и медали, в отношении которых, согласно логике открытого списка, действуют те же запреты.

В случае *перечисления конкретизирующего характера* список излагается с применением слов «в частности», «среди прочих», «например», «включая», при этом перечисление завершается не словами «и т. д.», а точкой. К примеру, в пункте 5 части 2 статьи 24 Закона РА «О гражданстве Республики Армения»¹ указано, что заявление гражданина о выходе из гражданства РА отклоняется, если «<...> он имеет обязательства, предусмотренные Законами “Об обороне” и “О военной службе и статусе военнослужащего”, **в частности...**» (здесь и далее выделено нами. – А. Г., Л. Д.), после чего следует перечисление наиболее очевидных обязательств, которые служат основанием для отклонения заявления.

Представленный пример наглядно показывает, что законодатель перечислил основания для отклонения заявления гражданина о выходе из гражданства посредством *открытого* перечисления с *конкретизирующими элементами* – с использованием слова «в частности», соответственно, указанные основания не являются исчерпывающими, из чего следует, что правоприменитель может счесть, что наличие других обязательств, предусмотренных в иных статьях Закона, также является основанием для отклонения заявления о выходе из гражданства. В данном случае правоприменитель с помощью правила толкования *analogia intra legem* должен определить, какая из многочисленных обязанностей, предусмотренных в Законах РА «Об обороне» и «О военной службе и статусе военнослужащего», может считаться основанием для отклонения заявления о выходе из гражданства.

Приведем другой пример: часть 1 статьи 62 Закона РА «Об основах администрирования и административном производстве» изложена в следующей редакции²:

«Ничтожным является тот административный акт, в котором, **в частности**, имеются следующие очевидные грубые ошибки:

- а) из акта четко не видно или не ясно однозначно, который административный орган его принял;
- б) акт принят некомпетентным административным органом;
- в) из акта не ясно, кому он определенно адресован, или не известно, какой вопрос он регулирует;
- г) данным актом на его адресата возлагается очевидным образом неправомерная обязанность или ему предоставляется неправомерное право».

В данном случае перечисление очевидных грубых ошибок не завершается формулировкой «и т. д.» или «другие очевидные грубые ошибки», из чего на первый взгляд может сложиться впечатление, что этот перечень закрыт. Между тем об открытом характере рассматриваемого перечня свидетельствует тот факт, что законодатель технически изложил список этих ошибок посредством *открытого перечисления конкретизирующего характера*, с применением слова «в частности», то есть перечислил случаи наиболее очевидных грубых ошибок, что само по себе не исключает возможности, что в ходе правоприменения в данный перечень могут быть включены и иные случаи очевидных грубых ошибок. Так, принятие акта неуполномоченным административным органом включено в законодательный перечень очевидных грубых ошибок, однако фактическое принятие административного акта со стороны органа, который в смысле данного закона не является административным, в указанном перечне не предусмотрено. Однако теоретически возможна ситуация, когда сотрудник органа, не считающегося в институциональном или функциональном смысле административным, фактически осуществляет администрирование. Например, сотрудник образовательного комплекса Министерства внутренних дел РА (государственная некоммерческая организация) составляет на основании официального бланка административный акт о привлечении водителя к административной ответственности, в результате чего гражданин уплачивает штраф, который поступает в государственный бюджет. В данном случае очевидно, что образовательный комплекс Министерства внутренних дел РА не является административным органом, однако его сотрудник фактически осуществил администрирование. В этой ситуации мы имеем дело с очевидной грубой ошибкой, которая не включена в законодательный перечень в качестве основания для признания акта ничтожным. Тем не менее, поскольку данный законодательный перечень является открытым, правоприменитель может дополнить его новым элементом.

Что же касается включения новых элементов в открытые списки (как в простые, так и в списки с конкретизирующими языковыми средствами), то в обоих случаях для этого используется правило толкования *analogia intra legem* (в англосаксонских правовых системах это правило называется *ejusdem generis*³ и

¹ О гражданстве: Закон Республики Армения от 6 нояб. 1995 г. №061 // Бюллетень Нац. Собрания РА 1995/8.

² Об основах администрирования и административном производстве: Закон Республики Армения от 18 февр. 2004 г. №041-Н // Официальные Ведомости РА 2004.03.31/18(317), ст. 413.

³ *Ejusdem generis* – одного и того же вида, класса или природы. При толковании законов, завещаний и других инструментов правило *ejusdem generis* заключается в том, что, когда за общими словами следует перечисление лиц или вещей, обозначенных словами конкретного и специального значения, такие общие слова не должны толковаться в их самом широком

*noscitur a sociis*¹), согласно которому в открытый перечень могут быть добавлены элементы, аналогичные элементам, перечисленным в списке. Например, если в открытом законодательном списке перечислены «озера, реки, ручьи и другие водоемы», у правоприменителя возникает вопрос, позволяет ли формулировка «другие водоемы» включать в этот список, например, бассейны. В случае применения правила толкования *analogia intra legem* правоприменитель должен сделать вывод, что бассейн как искусственный водоем не может быть включен в этот список, поскольку озера, реки, ручьи, перечисленные в списке, являются естественными водоемами, а бассейн таковым не является [23; 28, с. 8391].

1.2. Области применения закрытых перечней (*numerus clausus*)

В юриспруденции выражение *numerus clausus* употребляется не только для указания на закрытый (исчерпывающий) характер законодательных перечней, но и в других целях, например, для указания квоты (количественного ограничения численности лиц), относящейся к какой-либо группе лиц, к примеру, для установления квот, выделенных для студентов вузов или заключенных. Так, Конституционный суд Германии в делах 1 BvL 32/70 и 1 BvL 25/71 (Постановление от 18 июня 1972 г.) рассмотрел конституционность квот, которые ограничивали свободу приема студентов в медицинские вузы (абсолютного *numerus clausus* мест для получения высшего образования в области медицины) в связи с нехваткой учебных мест по медицинским специальностям [5, с. 579–580]. Европейский суд по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*) в Постановлении от 10 января 2012 г. отметил: «<...> было бы целесообразно установить максимальную вместимость – *maximum capacity* (*numerus clausus*) для каждого следственного изолятора через определение пространства на каждого заключенного и возможное количество квадратных и, возможно, кубических метров <...>»². В данном случае *numerus clausus* использовался в контексте ограничения максимального количества заключенных.

Тем не менее в юриспруденции *numerus clausus* чаще всего используется для обозначения того, что перечисление каких-либо элементов в положениях

закона является закрытым, или исчерпывающим. Повторим, что суть его заключается в том, что законом устанавливается закрытый, или исчерпывающий, перечень элементов (обстоятельств), имеющих юридическое значение, из чего правоприменитель делает вывод, что он не правомочен делать предметом правовых операций какое-либо обстоятельство (элемент), не предусмотренное в этом перечне. При этом последний вывод делается на основе правила толкования *expressio unius* (об этом далее). Данное правило представляет собой предположение, что явное включение в текст закона определенных вещей подразумевает исключение других, не упомянутых в нем вещей [22, с. 87].

Ссылаясь в своих решениях на формулировку *numerus clausus*, суды РА обозначают ее как принцип. Однако, по нашему мнению, латинское выражение *numerus clausus*, обозначающее закрытый список или ограничение количества, не является принципом права, поскольку само по себе не несет никакой идеологической нагрузки. Это не фундаментальная идея, а формулировка, призванная обозначить ограничение количества элементов, включенных в список. Поэтому использование в судебных актах слова «принцип» наряду с формулировкой *numerus clausus* лишено юридического значения.

Отдельные авторы упоминают принцип «ограничение по типу (the type restriction)» наряду с формулировкой *numerus clausus*, но из их суждений трудно понять, как соотносятся «*numerus clausus*» и «ограничение по типу (the type restriction)» [27, с. 33–34]. Обе формулировки, по сути, выражают одно и то же значение, поскольку *numerus clausus* сам по себе содержит ограничение по типам объектов (элементов), предусмотренных в списке.

Административный суд Республики Армения (далее – РА) рассматривает *numerus clausus* как «количественное ограничение» (см., например, административное дело № ЧГ/6004/05/22)³, а уголовные суды РА – как закрытый список (см., например, уголовное дело № БЦЦГ/0030/01/16)⁴. Подход уголовных судов РА к раскрытию сущности *numerus clausus* посредством применения формулировки «закрытый список» является более приемлемым, поскольку ограничение количества является одним из свойств закрытого списка, то есть если список является закрытым, то это означает, что количество элементов, перечисленных в списке, ограничено.

смысле, а должны считаться применяемыми только к лицам или вещам того же общего рода или класса, что и конкретно упомянутые [20, с. 608].

¹ *Noscitur a sociis* – познаётся по окружению (It is known from its associates). Значение слова известно или может быть известно из сопровождающих его слов. Доктрина означает, что общие и специальные слова связаны друг с другом и приобретают окраску, ограничивая общие слова смыслом, аналогичным менее общим [там же, с. 1209].

² Case *Ananyev and Others v. Russia* Applications nos. 42525/07 and 60800/08. Strasbourg. 10 January 2012. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-108465%22%7D>.

³ Решение Административного суда РА первой инстанции № ЧГ/6004/05/22 от 4 авг. 2022 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

⁴ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № БЦЦГ/0030/01/16 от 2 окт. 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

Суды РА ссылались на *numerus clausus* для характеристики закрытого характера следующих законодательных перечней:

1) исчерпывающий перечень видов доказательств в уголовном судопроизводстве (уголовное дело № ԵՄԼԴ/0030/01/16), упомянутый нами выше;

2) исчерпывающий перечень препаратов, полученных из конопли, определенных отдельными пунктами приложения 1 к Уголовному кодексу РА (уголовное дело № ԵՄԼԴ/0095/01/17);¹

3) исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих производство по делам об административных правонарушениях (административное дело № ЧԴ/6004/05/22), указанных выше;

4) исчерпывающий перечень промежуточных судебных актов административного суда РА, подлежащих обжалованию в апелляционном порядке (административное дело № ЧԴ/1073/05/19);²

5) исчерпывающий перечень строительных объектов или строительных работ, имеющих классификацию с низким уровнем риска, установленную в приложении к Постановлению Правительства РА от 19.03.2015 № 596-Н (административное дело № ЧԴ/0204/05/23)³.

Таким образом, установленный законом закрытый перечень представляет собой систему, состоящую из исчерпывающего перечисления элементов, имеющих юридическое значение, которая, выступая в качестве символа правового запрета, считает недопустимым выполнение юридически значимых операций с элементами, не предусмотренными в этом списке. Тем самым законодательный закрытый перечень как юридический символ содержит косвенный (имплицитный) запрет.

1.3. Закрытый законодательный перечень в контексте методов правового регулирования

Императивный метод правового регулирования формируется на основе доминирующего сочетания запретительного и обязывающего способов правового регулирования, а диспозитивный метод – на основе доминирования разрешительного (правоустанавливающего) способа. Содержание закрытого перечня может быть изложено как разрешающими, так и обязывающими или запрещающими способами правового регулирования, то есть этот список может содержать как разрешающие, так и обязывающие

или запрещающие положения. Однако закрытый перечень сам по себе подразумевает использование императивного метода правового регулирования, поскольку, устанавливая закрытый перечень, законодатель имплицитно запрещает (исключает) возникновение каких-либо правовых последствий, связанных с другими элементами, не предусмотренными в перечне. Другими словами, закрытый перечень может эксплицитно содержать императивные нормы, устанавливающие обязанности и запреты, или диспозитивные нормы, закрепляющие права, при этом законодательный закрытый перечень сам по себе содержит имплицитный запрет, в соответствии с которым считается недопустимым совершать какие-либо юридические операции с элементами, не предусмотренными в перечне⁴. Например, Кассационный суд РА в Постановлении от 12 февраля 2010 г. отметил: «<...> УПК РА не предусматривает возможности обжалования решения о самоотводе в Апелляционном уголовном суде РА. Применяя известное правило толкования *expressio unius*, согласно которому невключение элемента в исчерпывающий перечень следует толковать в смысле его исключения, Кассационный суд констатирует, что УПК РА устанавливает, что решения о самоотводе не подлежат обжалованию»⁵.

Таким образом, Кассационный суд РА вывел запрет на обжалование решений о самоотводе из установленного Законом закрытого перечня судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в Апелляционный суд РА, однако Суд не указал, что статья закона, предусматривающая закрытый перечень, эксплицитно содержит правовой запрет. Формулировки Кассационного суда РА верны, поскольку закрытый перечень судебных актов, подлежащих обжалованию, предусматривает не запрет, а право на обжалование. Другое дело, что из закрытого характера этого перечня вытекает имплицитный запрет на обжалование судебных актов, не предусмотренных в перечне.

Суды первой инстанции также выводят правовые запреты из закрытого перечня, но не указывают, что в этом перечне имеется эксплицитный правовой запрет на совершение действий с элементом, не предусмотренным в перечне. Например, в Решении

¹ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵՄԼԴ/0030/01/16 от 31 янв. 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

² Решение Апелляционного Административного суда № ЧԴ/1073/05/19 от 4 апр. 2019 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «DataLex».

³ Решение Административного суда РА первой инстанции № ЧԴ/0204/05/23 от 11 окт. 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «DataLex».

⁴ Вышеизложенное не распространяется на ситуации, когда в случае законодательных закрытых перечней опровергается презумпция сознательного молчания законодателя и устанавливается, что непредусмотрение какого-либо элемента в закрытом перечне является результатом законодательной ошибки, однако это отдельная тема для обсуждения.

⁵ Постановление Кассационного суда РА от 12 февр. 2010 г. № ԵԿԴ/0547/06/09 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

от 19 марта 2013 г.¹ Суд первой инстанции РА отметил: «При изучении статьи 189 ГПК РА выясняется, что законодатель исчерпывающе перечислил подлежащие судебному рассмотрению дела об установлении фактов, в числе которых отсутствует компетенция по установлению факта рождения, поэтому необходимо применить известное правило толкования *expressio unius*, согласно которому невключение какого-либо элемента в исчерпывающий список следует толковать в смысле его исключения, то есть суть его заключается в том, что если какой-либо элемент не включен в закрытый перечень, то норма, устанавливающая перечисление, может **толковаться как закрепляющая запрет на данный элемент**»².

Как мы видим, Суд первой инстанции РА не указал, что в данной статье имеется правовой запрет, а вывел правовой запрет путем толкования нормы, устанавливающей исчерпывающий перечень.

В отличие от Кассационного суда РА и судов первой инстанции РА, Конституционный суд РА при определении конституционности закрытых перечней формулирует свою позицию так, как будто в статье закона, предусматривающей закрытый перечень, прямо содержится запрет на совершение юридических операций с элементами, не предусмотренными в перечне. Так, в части 2 статьи 401 УПК РА³ установлен исчерпывающий перечень судебных актов, подлежащих исключительному пересмотру, в котором окончательный судебный акт о применении меры пресечения не предусмотрен (речь идет об исключительном порядке пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам). Конституционный суд РА в Постановлении УЧП-1736 от 4 июня 2024 г. рассмотрел вопрос конституционности невключения окончательного судебного акта о применении меры пресечения в этот закрытый перечень и сформулировал свои суждения в постановлении так, словно в части 2 статьи 401 УПК РА прямо установлен правовой запрет: «**Существование запрета**, установленного частью 2 статьи 401 УПК РА, лишает смысла в некоторых случаях подачу индивидуальных жалоб в Конституционный суд, поскольку решение, выносимое Конституционным судом, фактически, не может быть предпосылкой для пересмотра окончательного судебного акта по конкретному делу <...>. Более того, при наличии **этого запрета** в некоторых случаях не создается возможности для восстановления и защиты нарушенных прав и свобод человека»⁴.

Как мы видим, Конституционный суд РА прямо указывает на запрет, предусмотренный частью 2 статьи 401 УПК РА, хотя в данной статье не указано прямого (эксплицитного) запрета. Другое дело, что из установленного законом закрытого перечня судебных актов, подлежащих исключительному пересмотру, вытекает косвенный (имплицитный) запрет на пересмотр судебных актов, не представленных в этом перечне.

Законодатель, предусматривая закрытые перечни в сфере частного права, также использует императивный метод правового регулирования. Хотя по этому вопросу среди специалистов частного права существуют споры, распространенным является подход, согласно которому если в законе установлен закрытый перечень гражданских прав [27, с. 32], например вещных прав, или закрытый перечень форм собственности [21], то стороны не могут создавать новые права или новую форму собственности. Это может сделать только законодатель.

Специалисты по гражданскому праву отмечают, что установление закрытого перечня свойственно императивному методу правового регулирования, и объясняют это публичным интересом, поскольку вещные права должны признаваться не только сторонами, но и всеми, поэтому законом устанавливаются императивные нормы, где возможность свободы ограничена: «В определенной степени цель ограничения по типу и причина его установления могут быть охарактеризованы как желание законодателя наложить определенные ограничения на собственника вещи, чтобы собственник не мог зайти слишком далеко в обременении вещным правом принадлежащей ему собственности» [27, с. 33–34].

Тем не менее в теории частного права отмечается, что в соответствии с социально-экономическим развитием общества на практике из *numerus clausus* делается множество исключений и предлагается смягчить императивный характер регулирования вещных прав [1, с. 46].

Отдельные российские специалисты указывают, что в случае закрытого законодательного перечня конкретных вещных прав наличествует сочетание императивных и диспозитивных методов регулирования: «Применительно к нормативному закреплению четкого перечня вещных прав значение *numerus clausus* состоит в сочетании имплицитного запрета на создание не поименованных законом видов субъективных прав соглашением сторон, что характерно для правонаделения как императивной черты метода регулирования гражданских правоотношений, и

¹ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵԿԴ/2970/02/12 от 19 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

² Гражданско-процессуальный кодекс Республики Армения 1998 г. (ՀՕ-247) // Бюллетень Нац. Собрания РА 1998.09.09/20(53). Утратил силу 09.04.2018.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 г. ՀՕ-306-Ն. URL: <https://www.arlis.am/>.

⁴ Постановление Конституционного суда Республики Армения УЧП-1736 от 4 июня 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы Arlis.

свободы субъектов гражданских прав по своему усмотрению создавать регламентированные законом виды субъективных прав, что соответствует дозволению как черте диспозитивного метода гражданско-правового регулирования» [11, с. 144]. В этой цитате речь идет о перечне вещных прав, но важно то, что автор упоминает об эксплицитном запрете, вытекающем из закрытого перечня.

Учредительная власть, устанавливая конституционные закрытые перечни, может регулировать определенные отношения с помощью императивного метода. В этом случае конституционный закрытый перечень становится критерием определения конституционности законов. Например, Конституцией РА 1995 года был предусмотрен закрытый список субъектов, имеющих полномочия на законодательную инициативу (депутаты и правительство РА), в то время как в действовавшем в тот период Законе РА «О телевидении и радио» было указано, что Устав Общественной телерадиокомпании утверждается Национальным Собранием РА, а полномочия по разработке Устава Общественной телерадиокомпании и представлению его на рассмотрение в Национальное Собрание РА были возложены на руководящий орган Общественной телерадиокомпании – Совет общественной телерадиокомпании¹. Эти законодательные положения были истолкованы таким образом, что Национальное Собрание РА утверждает Устав Общественной телерадиокомпании посредством принятия закона, следовательно, представление Устава в Национальное Собрание РА на рассмотрение, по сути, считалось осуществлением полномочий законодательной инициативы. В связи с этим Конституционный суд РА в Постановлении УН-278 от 11 января 2001 г. отметил: «Статьей 75 Конституции РА предусмотрен исчерпывающий перечень субъектов, имеющих право законодательной инициативы в Национальном Собрании, и по закону другие органы не могут быть уполномочены представлять в законодательный орган проекты правовых актов, которые становятся предметом рассмотрения в соответствии с процедурой принятия закона и нормы которых должны получить юридическую силу нормы закона»².

На этом основании Конституционный суд РА постановил, что положение Закона РА «О телевидении и радио», согласно которому «Совет разрабатывает и представляет в Национальное Собрание Устав Общественной телерадиокомпании», не соответствует требованиям части первой статьи 75 Конституции РА, то есть закрытому перечню органов, имеющих полномочия на законодательную инициативу.

Статья 75 Конституции РА 1995 года предусматривала уполномочивающую норму, однако посредством закрепления закрытого перечня субъектов законодательной инициативы Учредительная власть урегулировала право законодательной инициативы императивным методом.

Таким образом, в общетеоретической плоскости можно отметить, что, прибегая к технике закрытого перечня (*numerus clausus*), законодатель желает урегулировать данные отношения императивным методом, то есть имплицитно запрещает делать предметом юридических операций элементы, не предусмотренные перечнем. В этом случае для определения метода правового регулирования не имеет значения, содержит ли законодательный закрытый перечень уполномочивающие, запрещающие или обязывающие нормы.

1.4. Возможность расширительного толкования нормы, устанавливающей закрытый перечень

Являются ли законодательные нормы, устанавливающие закрытый перечень, объектом расширительного толкования? Другими словами, может ли правоприменитель добавить новый элемент в закрытый перечень посредством расширительного толкования? Прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо уточнить следующее обстоятельство. Вопрос о расширительном толковании нормы, предусматривающей закрытый перечень, необходимо отличать от толкования разрешающих, запрещающих или обязывающих норм, составляющих содержание закрытого перечня, или элементов гипотезы, присутствующих в перечне. Вне сомнений, положения, составляющие элементы закрытого перечня (их содержание), подлежат толкованию, причем посредством толкования выявляются системные связи между основной нормой, определяющей неполный закрытый перечень, и нормой, определяющей иные элементы этого перечня.

Вернемся к первоначальному вопросу, ответом на который выступает следующий тезис: норма, предусматривающая закрытый перечень, не является объектом расширительного толкования.

Во-первых, закрытый перечень в той мере, в какой речь идет о том, предусмотрен ли тот или иной элемент в закрытом списке, сам по себе не нуждается в расширительном или ограничительном толковании, поскольку исчерпывающий список (перечисление элементов) в силу своей структуры и формы уже является определенным, поэтому изначально ясно, предусмотрен ли тот или иной элемент в закрытом перечне или нет.

¹ О телевидении и радио: Закон Республики Армения от 18 нояб. 2000 г. ЗО-97 // Официальные ведомости РА. 2000.11.18/27 (125).

² Постановление Конституционного суда РА УН-278 от 11 янв. 2001 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы Arlis.

Во-вторых, если в закрытом перечне в конкретной ситуации исключается наличие законодательного пробела, то можно предположить, что законодатель, формулируя норму с использованием техники закрытого перечня и не предусматривая в этом перечне иных элементов, сознательно не хотел подвергать регулированию элементы, не предусмотренные в перечне (в случае закрытых списков соотношение законодательного пробела и намеренного молчания законодателя является предметом отдельного обсуждения).

Если правоприменитель сужает законодательный закрытый перечень или добавляет в него перечень новые элементы, не предусмотренные законом, то он не толкует норму ограничительно или расширительно, а противоречит этой норме, которая предусматривает закрытый список, и осуществляет развитие права *contra legem*, в результате чего либо отказывается от применения элемента, содержащегося в закрытом перечне (негативное развитие права *contra legem*), либо добавляет в закрытый перечень новый элемент (позитивное развитие права *contra legem*).

Чтобы замаскировать то, что принятое решение о добавлении в закрытый перечень нового элемента является, по сути, развитием права *contra legem*, суды РА предпочитают преподносить свое решение об «открытии» закрытого перечня как результат расширительного толкования нормы, предусматривающей этот закрытый перечень. Так, Кассационный суд РА Постановлением от 28 ноября 2024 г. по делу № 347/0044/15/24¹ дополнил установленный статьей 389 УПК РА исчерпывающий перечень подлежащих обжалованию судебных актов новым судебным актом, не предусмотренным в перечне, – Определением суда первой инстанции об отказе в возбуждении производства по делу в связи с ходатайством частного участника процесса о снятии ареста с имущества (для краткости назовем это решение судебным актом «Х»).

В указанном деле Кассационный суд РА не согласился с Апелляционным судом РА, который оставил жалобу без рассмотрения по причине того, что судебный акт «Х» не входит в перечень судебных актов, подлежащих пересмотру в особом порядке. Кассационный суд в своем Постановлении указал: «Апелляционный суд РА, исключив возможность обжалования решения Суда первой инстанции в порядке особого пересмотра, подверг **ограничительному толкованию положения**, предусмотренные статьей 389 УПК РА <...>, необоснованным является вывод Апелляционного суда РА о том, что решение Суда первой инстанции не подлежит обжалованию, поскольку оно не предусмотрено статьей 389 УПК

РА <...> Апелляционный суд РА <...> неверно истолковал положения, предусмотренные статьей 389 УПК РА <...>».

В вышеупомянутом случае Кассационный суд РА, по сути, решил вопрос правильно, однако стратегия его аргументации является спорной. Так, Кассационный суд РА сделал статью 389 Кодекса (которая содержала перечень судебных актов, подлежащих обжалованию) объектом толкования, а затем отметил, что Апелляционный суд РА «неправильно» истолковал положение о закрытом перечне, поскольку подверг его ограничительному толкованию.

Кассационный суд РА использовал и другие формулировки, вызывающие вопросы, например: «<...> вывод Апелляционного суда РА о том, что судебный акт «Х» не подлежит обжалованию, является необоснованным». Из данной формулировки, на первый взгляд, складывается впечатление, что Кассационный суд РА поставил под сомнение тот факт, что с точки зрения закона судебный акт «Х» не подлежит обжалованию (то есть не предусмотрен закрытым перечнем). Между тем бесспорно, что судебный акт «Х» действительно не предусмотрен в закрытом законодательном перечне судебных актов, подлежащих обжалованию, следовательно, бесспорно и то, что с точки зрения законодательства судебный акт «Х» не подлежит непосредственному обжалованию.

В рассматриваемом случае Кассационный суд РА не истолковал расширительно норму, содержащую закрытый перечень, а, по сути, выступил против законодательного закрытого перечня и «открыл» его, иными словами, восполнил существующий в списке пробел. Кассационный суд РА по этому делу в целом принял правильное решение, поскольку не включение судебного акта «Х» в список судебных актов, подлежащих обжалованию, уязвимо с точки зрения ряда принципов уголовного процесса, однако методология исправления этой ситуации заключается не в расширительном толковании закрытого перечня, а в применении к законодательному закрытому перечню доктрины развития уголовно-процессуального права *contra legem* или *extra legem*.

2. Максима *Expressio unius est exclusio alterius* в контексте закрытых перечней

2.1. Общие положения

Как уже упоминалось выше, *Expressio unius est exclusio alterius* – это известное латинское изречение (*maxima*), получившее широкое распространение в юридической практике и в дословном переводе означающее: «Выражение одной вещи исключает другие вещи» [30, с. 853]. Рассматриваемая максима

¹ Постановление Кассационного суда РА от 28 нояб. 2024 г. № 347/0044/15/24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

работает посредством так называемого отрицательного вывода: если закон явно упоминает определенные категории, это подразумевает, что те категории, которые прямо в законе не упомянуты, намеренно исключены законодателем из текста закона. Соответственно, данная максима состоит в логической и содержательной связи с закрытым перечнем *numerus clauses*, так как оба указанных правовых инструмента могут применяться для достижения схожих или общих целей, что будет рассмотрено ниже, но прежде считаем необходимым проанализировать особенности данной юридической максимы.

Если обратиться к встречающемуся в иностранной юридической литературе описанию сути этой максимы, то можно обнаружить, что, к примеру, оксфордское издание «Руководство по латыни в международном праве» называет *expressio unius* каноном толкования и определяет данное правило так: «Явное указание одного является исключением другого» [16]. Согласно общему смыслу пояснений, изложенных в «Руководстве», обоснование, лежащее в основе *expressio unius*, заключается в том, что прямое включение предмета в нормативный текст указывает на то, что составители знали о наличии иных предметов и вопросов и решили намеренно их исключить. В качестве иллюстрации того, как *expressio unius* работает на практике, приводится международный договор, в котором установлено, что гражданские суда проходят через территориальные воды другого государства без уведомления, из чего следует, что на военные суда данное правило не распространяется и требуется соответствующее уведомление до того, как иностранный военный корабль войдет в территориальные воды, поскольку квалификация «без уведомления» была явной для гражданских судов, но не упоминалась в отношении военных судов.

На первый взгляд, рассматриваемое латинское изречение воспринимается как одна из тех максим, которые используются для построения юридической аргументации, однако в англо-американской традиции, где данная максима получила наибольшее распространение, ее чаще называют не максимой, а *правилом толкования*, в основном лингвистическим правилом толкования. Вероятно, это обусловлено тем, что *expressio unius* относится к так называемым лингвистическим максимам, которые предлагают прочтение текста, в том числе юридического, посредством логико-лингвистических мыслительных операций с опорой на языковые закономерности.

К примеру, в публикации 1915 года, посвященной правилам составления и толкования текстов законодательства, в перечне основных правил, которые применяются при толковании статутов, в частности в пункте 5, упоминается *expressio unius*, а в предыдущем предложении высказывается предположение, что законодательному органу известны

правила грамматики, и они должны соблюдаться им при толковании закона, если только этим не будет нарушено намерение законодателя или это не приведет к абсурдным результатам [19, с. 513]. Судья Верховного суда США Конни Баррет в параграфе «Каноны толкования» своего научного труда отмечает, что правила, которые применяются судами при толковании закона, традиционно подразделяются на лингвистические и субстантивные (содержательные). Согласно К. Баррет, посредством лингвистических канонов к законам применяются правила синтаксиса, стандартным примером чего служит правило *expressio unius est exclusio alterius* [18, с. 117].

Если более подробно рассмотреть различия данных категорий, то обнаружится, что максима – это лаконичное изречение, служащее неким ориентиром для правоприменителя, так как она является выражением обобщенного опыта правоприменения и устоявшихся доктринальных взглядов, а правило толкования, по сути, есть предписание, которое определяет, как необходимо интерпретировать юридический текст. Так или иначе, юридические максимы и правила толкования, не будучи тождественными понятиями, могут выступать средствами толкования норм права. Максима может содержать в себе некий общий принцип, истину, которая служит правоприменителю отправной точкой для рассуждений, а правило толкования содержит в себе конкретные предписания и последовательность действий, применяемых специально для интерпретации норм права. Из вышеизложенного можно заключить, что и правила толкования, и так называемые лингвистические максимы (*linguistic maxims*) являются устоявшимися канонами толкования, тем самым составляя существенную часть англо-американской доктрины толкования права.

2.2. Происхождение *expressio unius*

Также достаточно интересным является вопрос происхождения и исторических корней данной максимы. При цитировании *expressio unius* юридические словари определяют его как римскую максиму, так как сама фраза латинского происхождения, тем не менее данное правило, или *regula*, в ныне известном нам изложении отсутствует в трудах римских юристов и своде римского права *Corpus Juris Civilis*, но при этом получило свое изначальное распространение в Англии, в системе Общего права, где данное правило часто непосредственно цитировалось и до сих пор цитируется судами при разрешении дел, а также упоминается в юридической литературе и различных научных трудах.

Как утверждает современный Оксфордский словарь, самое раннее упоминание *expressio unius* в Оксфордском словаре английского языка относится к 1719 году и встречается в трудах Томаса Салмона [26]. Одним из самых ранних судебных дел, на

которое часто ссылаются английские источники и образовательные ресурсы, является дело *R. v Inhabitants of Sedgley* 1831 года (SC 9 LMCOS 61), в котором толковался Закон «О помощи бедным» 1601 года, устанавливающий налогообложение в пользу бедных на «земли, дома и угольные шахты»¹. Суд должен был определить, распространяется ли данный закон на известняковые рудники. Используя принцип *expressio unius exclusio alterius*, суд постановил, что поскольку известняковые рудники не были прямо указаны в перечне закона, где перечислены объекты, облагаемые налогом, то из этого можно сделать вывод, что закон не подразумевает, что указанный налог должен применяться к другим видам шахт – известняковым.

Даже итальянские авторы упоминают *expressio unius* в контексте английского Common Law. Так, указывается, что система толкования договоров в английском Общем праве вращается вокруг ряда правил герменевтики, одним из которых является применяемый судьями прием, заключенный в формуле *expressio unius est exclusio alterius*, означающий, что наличие конкретного обстоятельства предполагает исключение обстоятельств, прямо не предусмотренных договором [25, с. 54–55].

Исходя из вышесказанного очевидно, что многие латинские изречения, применяемые в английском праве, хотя и не были созданы непосредственно римскими юристами (при этом определенные римские юридические концепции заимствовались англо-американской юридической традицией и судами для своих нужд), были выражены на латинском языке, чтобы продемонстрировать, что они вдохновлены римским правом, авторитетным в средневековой Европе.

Как отмечают современные английские юристы, многочисленные латинские принципы и фразы были апробированы в английских судах, и обычно было проще продолжать привычно использовать латинские фразы и максимы, которые были всем знакомы, чем пытаться заменить их английской фразой [24]. В течение столетий суды Общего права, создавая судебные прецеденты, напрямую ссылались на юридические максимы, обосновывая ими свои решения. Таким образом, максимы, в том числе лингвистические, получили свое нормативное закрепление посредством английского прецедентного права.

2.3. Соотношение *numerus clausus* и *expressio unius*

Возвращаясь к тезису о непосредственной связи между рассмотренным выше закрытым перечнем *numerus clausus* и максимой *expressio unius*, отметим, что оба указанных правовых инструмента могут применяться для ограничения произвольного

толкования текста закона правоприменителями, хотя, как уже упоминалось выше, *expressio unius* является правилом интерпретации, а *numerus clausus*, по сути, служит приемом законодательной техники для формулирования закрытых/исчерпывающих перечней. Тем не менее и *numerus clausus*, и *expressio unius* являются теми факторами, которые исключают возможность необоснованного расширения различных списков и перечней, установленных законом. Так, *expressio unius* подразумевает исключение из правового регулирования тех элементов, которые прямо не упомянуты в законодательном тексте, а *numerus clausus* изначально вводит в закон исчерпывающий перечень элементов, объектов или прав.

Правила *expressio unius* и *numerus clausus* могут взаимодополнять друг друга. Например, как уже упоминалось, в отрасли гражданского права при анализе вещных прав можно опираться на *numerus clausus* для определения перечня возможных вещных прав, а правило *expressio unius* может служить для вывода о том, что если в тексте закона непосредственно перечисляются залог, сервитут и прочие вещные права, то создавать вещное право, которое не упомянуто законодателем в этом перечне, запрещено. Отметим также, что правило *expressio unius* в основном применяется к закрытым перечням, однако может использоваться и безотносительно каких-либо перечней и списков; к примеру, если законом непосредственно упоминается лишь один элемент или одна конкретная правовая категория, это влечет за собой тот же вывод о том, что данное правовое регулирование не может распространяться на какой-либо иной элемент или иную категорию, прямо не установленную законом.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что несмотря на указанные различия оба рассматриваемых нами правовых инструмента имеют своей целью обеспечение предсказуемости и стабильности правового регулирования, при этом *expressio unius* служит инструментом интерпретации и анализа юридических текстов, а *numerus clausus* выполняет функцию нормативного ограничения, которое зачастую выступает препятствием для создания объектов или новых правовых категорий, не предусмотренных законодателем.

Кроме того, правило *expressio unius*, как и *numerus clausus*, во многом пересекается с таким явлением, как квалифицированное молчание закона. Квалифицированное молчание законодателя может закрепляться посредством оформления закрытого перечня *numerus clausus* и интерпретироваться через логику *expressio unius*, если контекст и общая логика закона позволяют предположить, что законодатель осознанно пошел на исключение из текста закона определенных элементов и категорий. Если же

¹ *R. v Inhabitants of Sedgley* 1831 (SC 9 LMCOS 61). English Reports Citation. Pp.1068-1069. URL: <http://www.commonlii.org/int/cases/EngR/1831/265.pdf>.

молчание закона вызвано упущением законодателя, его ошибкой либо последующим пробелом, то применение правила *expressio unius* может привести к ошибочной интерпретации закона и негативным последствиям, что будет рассмотрено нами ниже, так как есть опасность того, что в подобных случаях чрезмерно буквальное и узкое толкование закона может привести к абсурдным результатам, не соответствующим намерениям законодателя. Рассмотрим на примерах армянской судебной практики как обоснованные, так и весьма спорные случаи применения *expressio unius*.

2.4. Применение *expressio unius* в армянской судебной практике

Суды различных инстанций Республики Армения довольно активно применяют данную максиму в своей юридической практике, называя *expressio unius* методом толкования (в гражданских делах) либо просто правилом *expressio unius* (в уголовных делах). Ссылки на данную максиму исчисляются десятками судебных дел. Возможно, столь широкое применение правила толкования из системы Common law обусловлено тем, что в правовую систему Республики Армения после судебно-правовых реформ 2007 года был введен и законодательно закреплён институт судебного прецедента, который частично заимствовал черты английской модели прецедента, в том числе правило *stare decisis*, адаптировав их к потребностям и особенностям правовой системы Армении. Рассмотрим наиболее актуальные дела, судебные решения по которым были вынесены в 2023–2024 годах.

Так, довольно интересным и неоднозначным примером применения судом *expressio unius* является гражданское дело № ЦЧГ/3692/02/23 от 19 марта 2024 г.¹, где предметом рассмотрения Апелляционного суда Республики Армения стал вопрос о том, является ли совместно нажитым имуществом приобретенная в браке квартира, которая была куплена на средства, полученные одним из супругов в результате продажи своего личного имущества, переданного ему в дар. Суд отклонил жалобу истца о признании квартиры в качестве его личного имущества, обосновав свою позицию в том числе использованием правила *expressio unius*. Применив указанное правило к рассматриваемой правовой норме, суд постановил, что можно констатировать, что законодатель в статье 201 Гражданского кодекса РА посредством закрытого перечня определил те исключения, при наличии которых имущество является не совместной собственностью супругов, а личным имуществом одного из них. К примеру, таковым является имущество, принадлежавшее каждому из супругов

до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар или в порядке наследования. По мнению суда, поскольку законодатель не включил в указанный перечень имущество, приобретенное во время брака на средства, полученные от распоряжения личным имуществом одного из супругов, то, следовательно, указанное правовое положение статьи 201 Гражданского кодекса РА согласно правилу *expressio unius* можно толковать как запрет на квалификацию подобного имущества, в данном случае квартиры, в качестве личной собственности одного из супругов.

Заметим, что в данном случае толкование, которое дал Апелляционный суд, присовокупив к нему применение правила *expressio unius*, видится довольно неоднозначным. Одним из критических замечаний, относящихся к *expressio unius*, является то, что данной максимой зачастую делается чрезмерный акцент на текстуализм и буквальный подход к толкованию закона. Мы уже говорили о том, что при применении *expressio unius* необходим сбалансированный подход, который бы учитывал намерение законодателя и общий контекст закона. Казалось бы, по логике законодателя, если имущество, полученное во время брака в дар, является личным имуществом супруга, то и денежные средства, которые были получены в результате продажи данного личного имущества, также являются его личными, а равно и собственность, которая впоследствии была приобретена супругом на данные личные средства. Не совсем ясно, почему при осуществлении сделки одного из супругов со своим личным имуществом право на это личное имущество автоматически трансформируется в институт совместно нажитой общей собственности супругов, как это следует из правовой позиции Апелляционного суда. Механическое применение *expressio unius* может привести к чрезмерно узкому толкованию закона и результатам, которые не отражают истинные намерения законодателя. В данном случае в результате подобного толкования может сложиться судебная практика, которая ограничивает право одного из супругов на свободное распоряжение своим личным имуществом.

Более выверенную позицию по данному вопросу занял Верховный суд РФ, который в своем Определении от 22 сентября 2020 г. (№ 41-КГ20-10-К40) постановил, что имущество, приобретенное в браке на личные средства одного из супругов, полученных от продажи личного имущества, может быть исключено из режима общей совместной собственности супругов². Согласно правовой позиции Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ при определении статуса имущества суд должен учитывать

¹ Решение Апелляционного суда РА № ЦЧГ/3692/02/23 от 19 марта 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22 сент. 2020 г. № 41-КГ20-10-К4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

целый ряд юридически значимых обстоятельств, в том числе стоимость приобретенного имущества и размер внесенных личных средств, а также промежуток между продажей личного имущества и приобретением новой недвижимости. Данный вопрос становился предметом разъяснения Пленума ВС РФ гораздо раньше, в 1998 году. Так, согласно абзацу 4 пункта 15 Постановления Пленума ВС РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» не является общим совместным имуществом, приобретенным хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования¹.

Вместе с тем довольно часто и резонно *expressio unius* применяется судами при рассмотрении дел, касающихся утверждения фактов, которые имеют юридическое значение. По делу № БГ2/38825/02/23 от 29 сентября 2023 г.² Суд первой инстанции отклонил требование истца об утверждении в порядке особого производства факта собственности на земельный участок. Суд отметил, что в статье 26 Гражданского процессуального кодекса РА (далее – ГПК РА) законодатель четко и исчерпывающе определил дела, которые могут рассматриваться в порядке особого производства, и в перечне указанной статьи не предусмотрено оснований для рассмотрения в порядке особого производства исков о признании права собственности. Соответственно, в данных обстоятельствах, применив общепринятое правило толкования *expressio unius*, согласно которому упоминание какого-либо элемента в исчерпывающем перечне следует толковать как его исключение, суд пришел к выводу, что не обладает компетенцией в порядке особого производства и в рамках статьи 26 ГПК РА рассматривать иски о признании права собственности на земельный участок.

В деле № ЧГ4/0114/02/23 от 16 апреля 2024 г.³ Судом первой инстанции в рамках особого производства по просьбе заявителя рассматривался вопрос утверждения факта смерти лица, являющегося наследодателем. Дело в том, что факт смерти лица не был своевременно зарегистрирован ни в одном из соответствующих органов. Суд отметил, что из анализа статьи 237 ГПК Республики Армения следует, что законодатель исчерпывающим образом (в девяти пунктах) перечислил все те дела, по которым суд в порядке особого производства уполномочен рассматривать вопрос об установлении фактов, однако полномочие устанавливать факт смерти

лица в данном перечне отсутствует. Поэтому в данном случае, по мнению суда, необходимо применить общеизвестное правило толкования *expressio unius*, согласно которому отсутствие какого-либо элемента в исчерпывающем перечне следует толковать как его исключение, так как сущность этого правила заключается в том, что если какой-либо элемент не включен в закрытый перечень, то норму, определяющую этот перечень, можно толковать как устанавливающую запрет на данный элемент. Соответственно, суд постановил, что вопрос утверждения факта смерти должен быть рассмотрен по существу, но не в порядке особого производства, как того желал истец, а в рамках других правовых процедур, предусмотренных законом, в частности в рамках исследования судом других фактов, имеющих юридическое значение.

3. Виды закрытых законодательных перечней

3.1. Общие положения

Классификация закрытых законодательных перечней мало изучена в теории права. В этой работе законодательные закрытые перечни будут классифицированы по двум основаниям. Во-первых, в соответствии с логической структурой правовой нормы, то есть в зависимости от того, в каком структурном элементе правовой нормы закреплён закрытый законодательный перечень: в гипотезе, диспозиции или в негативной санкции. Во-вторых, в соответствии с полнотой перечисления элементов закрытого перечня в конкретной статье закона, то есть в зависимости от того, каким является перечень – полным или неполным. Заранее отметим, что в случае неполных закрытых перечней список не превращается в неопределённую систему, просто элементы неполного перечня технически заключены (перечислены) не в одной статье, а в разных статьях, в частности отдельные элементы неполного списка могут быть зафиксированы и в другой статье.

3.2. Виды закрытых перечней согласно их расположению в элементах структуры правовых норм

Закрытые перечни могут быть предусмотрены в трех элементах логической структуры правовой нормы: в гипотезе, диспозиции и в негативных санкциях.

В закрытом перечне, расположенном в гипотезе (гипотеза с закрытым перечнем), перечислены условия (юридические факты), необходимые для

¹ О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака Постановление Пленума ВС РФ от 5 нояб. 1998 г. № 15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № БГ2/38825/02/23 от 29 сентября 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

³ Решение Суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ЧГ4/0114/02/23 от 16 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

возникновения правоотношений. При этом закрытый перечень гипотезы может быть как сложным, то есть для возникновения правового последствия необходимо наличие всех элементов закрытого перечня, так и альтернативным, то есть наличие любого условия, предусмотренного в закрытом перечне, является достаточным для возникновения правоотношения.

Если сознательное невключение какого-либо факта (элемента) в закрытый перечень гипотезы или его упущение порождает серьезные правовые проблемы, например приводит к нарушению принципа права, то восполнение закрытого списка на основе доктрины развития права *extra legem* или «открытие» и добавление нового элемента на основе доктрины развития права *contra legem* в основном допускается при условии, что вытекающие из этого последствия не являются ограничительными для частного лица. Закрытый перечень, расположенный в гипотезе, никоим образом не может быть «открыт» или восполнен, если последствия, которые он влечет за собой, носят запрещающий, обязывающий или карательный характер.

В закрытом перечне, содержащемся в диспозиции, перечислены правовые последствия, которые возникают при соблюдении соответствующих условий и могут иметь запрещающий, разрешающий или обязывающий характер. Замкнутую систему запрещающих или обязывающих элементов (правовых последствий), предусмотренную в закрытом перечне диспозиций, запрещается восполнять на основе доктрины развития права *extra legem* или «открывать» ее на основе доктрины развития права *contra legem*, если это может наложить на частное лицо ограничения, не предусмотренные в закрытом перечне.

Закрытый перечень, содержащийся в санкции, предусматривает исчерпывающий перечень видов наказаний, которые могут быть назначены за то или иное правонарушение. Указанный перечень может состоять из основных и дополнительных наказаний или основных и альтернативных наказаний. С определенной оговоркой, закрытым перечнем санкций следует считать и те случаи, когда санкция нормы предусматривает только один вид наказания (абсолютно определенная санкция). Подчеркнем, структура санкции, состоящая из одного элемента, хотя и является исчерпывающей, может рассматриваться как список со строгими оговорками.

Закрытый перечень, содержащийся в санкции, не может быть восполнен или «открыт» правоприменителем на каком-либо основании. Указанный перечень может быть изменен только законодателем. Если закрытый законодательный перечень предусматривает наиболее строгие виды наказания, то этот перечень не может быть дополнен посредством какого-либо иного правового акта, кроме как

законом, даже если речь идет о дополнении его более мягким наказанием. «Открытие» или восполнение закрытого перечня санкции со стороны суда или другого правоприменительного органа подрывает стабильность и определенность применяемой в государстве системы карательных мер. Например, согласно части 6 статьи 5 Закона РА «Об общественных организациях» член организации может быть исключен из организации в случаях и порядке, установленных уставом организации. Согласно пункту 12 части 1 статьи 13 того же Закона в уставе организации закрепляются случаи и порядок исключения члена из организации¹. Указанным Законом предусмотрен один вид санкции, подлежащей применению к члену общественной организации, – исключение из организации. Отсутствие более мягкого наказания в закрытом перечне санкций следует толковать в соответствии с правовой максимой *expression unius exclusion alterius*. Это означает, что закрытый список, содержащий в себе наказание в виде исключения из организации, не может быть «открыт» или восполнен со стороны общественной организации посредством внесения иного наказания в виде «приостановления членства», которое, хотя и является более мягкой санкцией, не предусмотрено законом. Между тем на практике существует ситуация, противоположная сказанному. Так, пунктом 17 устава Общественной организации «Футбольная федерация Армении» (далее – Федерация) предусмотрена такая санкция, как «приостановление членства». В соответствии с указанным пунктом Устава «Собрание может приостановить членство любого члена, если последний регулярно и/или грубо нарушает свои обязанности <...>. Член федерации, членство которого приостановлено, теряет все права, вытекающие из членства. Другие члены не могут иметь спортивных связей с членом федерации, членство которого приостановлено. Дисциплинарный и этический комитет может применять другие санкции».

В гражданском деле № ԵԴ/2554/02/21 член Федерации ООО «Футбольный клуб Торпедо», чье членство было приостановлено, оспаривал в суде законность (правомерность) пункта 17 Устава Федерации. Основным правовым вопросом в данном деле стал вопрос о том, имеет ли общественная организация право «открыть» исчерпывающий перечень санкций, предусмотренных законом, и предусмотреть в своем Уставе иную меру ответственности – приостановление членства, которая, хотя и является более мягкой мерой по сравнению с санкцией, предусмотренной законом (исключение из организации), не закреплена в законе.

Суд первой инстанции РА выразил положительную позицию по этому вопросу и в решении от 11 мая

¹ Об общественных организациях: Закон Республики Армения от 4 дек. 2001 г. ՅՕ-22-Ն // Официальные ведомости РА. 2017.01.25/5(1280), ст. 58.

2021 г. отметил: «<...> устав общественной организации является ее учредительным, основным документом, и законом устанавливаются основные требования, предъявляемые к его форме и содержанию, однако список этих требований не является окончательным, и статья 13 Закона прямо свидетельствует об этом, устанавливая, что уставом могут быть закреплены также другие положения, не противоречащие закону, касающиеся организации деятельности. <...> Положения, установленные уставом организации, касающиеся приостановления членства, не носят произвольного характера, и определено условие, при наличии которого может быть рассмотрен вопрос о **временном или окончательном** приостановлении членства. Такое регулирование **напрямую вытекает из законодательства РА, не противоречит внутригосударственным правовым актам и само по себе является санкцией, основание, порядок и условия применения которой определены уставом.** Суд считает необходимым отметить, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения членом организации своих обязанностей, установленных законом или уставом, определение меры ответственности, то есть правовых последствий нарушения обязанностей, является правомерным, не противоречит какому-либо закону или правовому акту, напротив, призвано обеспечить нормальное функционирование организации»¹.

В указанном деле Суд использовал ряд формулировок, уязвимых с точки зрения формальной логики и законодательства.

Во-первых, Суд, используя формулировку «временное или окончательное приостановление членства», признал, что приостановление может быть окончательным. Между тем приостановление членства, в отличие от прекращения членства, всегда носит временный характер.

Во-вторых, Суд отметил, что «регулирование приостановления членства напрямую вытекает из законодательства РА», но не сослался на законодательное положение, из которого непосредственно следует подобное регулирование. На самом деле в законодательстве РА не предусмотрено какой-либо нормы, из которой можно было бы вывести положение о приостановлении членства. Неслучайно Суд уже в следующем предложении изменил логику суждения и отметил, что это регулирование не противоречит внутригосударственным правовым актам. Если бы регулирование приостановления членства вытекало непосредственно из законодательства или было бы предусмотрено законодательством, то Суду не пришлось бы говорить о том, что это регулирование не противоречит закону. Если какое-либо регулирование прямо предусмотрено законом (или прямо

вытекает из закона), излишне говорить о том, что это регулирование не противоречит закону.

В-третьих, ирония заключается в том, что Суд параллельно с утверждением о том, что регулирование приостановления членства вытекает из законодательства РА, отметил, что основание, порядок и условия применения «приостановления членства» установлены Уставом. По всей вероятности, Суд забыл о своем первоначальном утверждении о том, что регулирование приостановления членства напрямую вытекает из законодательства РА, поскольку далее отметил, что институт приостановления членства предусмотрен Уставом, который не является частью законодательства РА.

В действительности в основе решения Суда лежит следующая логика: если приостановление членства не запрещено законодательством, то это может быть предусмотрено Уставом. Если это так, то данное решение Суда, разрешающего гражданские споры, обусловлено сугубо частноправовым мышлением, основанном на девизе «разрешено все, что не запрещено законом», которое, однако, не должно применяться, когда речь идет о юридической ответственности, даже если эта ответственность относится к сфере частного права.

Приостановление членства в общественной организации ограничивает основное (конституционное) право на свободу объединения, согласно которому каждый имеет право на свободное объединение с другими лицами, включая создание профессиональных союзов и вступление в них. А свобода объединений может быть ограничена только законом (ч. 1 и 3 ст. 45 Конституции РА). С точки зрения конституционного права ясно, что приостановление членства, как акт вмешательства в свободу объединения, может быть предусмотрен только парламентским (в формальном смысле) законом.

Таким образом, запрещается восполнять на основании доктрины развития права *extra legem* исчерпывающие виды мер наказаний, которые предусмотрены в закрытом перечне санкций, или «открывать» подобные перечни на основании доктрины позитивного развития права *contra legem*, даже если этим предполагается ввести более мягкий вид наказания.

Вместе с тем если за нарушения, не конкретизированные (не уточненные) законом, предусмотрена одна мера ответственности, которая по сравнению с аналогичными ситуациями является самой строгой, к примеру, такая мера как исключение члена из организации, то применение этой строгой санкции к менее значительным (малозначительным) нарушениям может противоречить конституционному принципу соразмерности. Чтобы избежать нарушения принципа соразмерности, законодателю следует внести

¹ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № ԵԴ/2554/02/21 от 11 мая 2021 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

изменения в закрытый перечень санкций либо правоприменителю следует прибегнуть к механизму конституционного правосудия (если, конечно, возможно решить вопрос таким образом). Если ситуация такова, что разрешить вопрос через законодательный процесс или механизм конституционного правосудия не представляется возможным, то суду не остается ничего иного, как считать, что норма, запрещающая данное деяние, является «несовершенной нормой» – *leges im perfectae* [4, с. 161–164; 9, с. 77], то есть за нарушение этой нормы не предусмотрено соразмерного правонарушению отрицательного правового последствия (меры ответственности). В таком случае суд, руководствуясь конституционным принципом соразмерности, должен отказаться от применения единственной и самой строгой меры ответственности, предусмотренной законом за незначительные (малозначительные) правонарушения. Если суд, основываясь на конституционном принципе соразмерности, отказывается применить единственный, но несопоставимый вид наказания, то этим он противопоставляется законодательному требованию о применении единственной санкции, предусмотренной законом, что можно считать негативным развитием права *contra legem*.

В судебной практике РА редко, но встречаются случаи негативного развития права *contra legem*. Так, Комитет государственных доходов РА в результате проверки зафиксировал, что компания «НАТФУД» не зарегистрировала в установленном порядке в системе электронного учета маркировку, наклеенную на 2-килограммовую колбасу. Комитет государственных доходов РА, основываясь на единственной абсолютно определенной санкции, предусмотренной пунктом 1 части 1 статьи 424 Налогового кодекса РА, оштрафовал компанию на сумму 500 тыс. драмов РА (примерно на 1300 дол. США).

Организация обжаловала штраф в Административном суде первой инстанции РА, однако последний своим решением от 19 апреля 2023 г. отклонил иск, мотивируя это следующим образом: «<...> налоговое правонарушение – это самостоятельный вид правонарушения, который отличается своим целевым назначением и направленностью. Налоговое правонарушение не содержит элемента, характерного для административного или уголовного правонарушения – субъективной стороны (обязательное наличие вины), поэтому наличие или отсутствие вины для привлечения лица к ответственности за

налоговое правонарушение не может иметь значения и служить основанием для освобождения лица от ответственности. <...> Штраф в отношении истца был наложен на основании пункта 1 части 1 статьи 424 Налогового кодекса РА, и в соответствии с этой нормой законодатель не установил никаких исключений, в том числе в связи с отсутствием намерения уклониться от уплаты налогов или фактом устранения недостатков <...>»¹.

Апелляционный административный суд РА, основываясь на принципе соразмерности налоговой ответственности, не согласился с Судом первой инстанции РА и решением от 6 мая 2024 г.² признал акт налогового органа недействительным по следующей причине: «<...> Хотя законодательство предусматривает налоговую ответственность за отчуждение маркированных товаров с нарушением установленного законом порядка, в период обнаружения правонарушения товар, подлежащий маркировке, был отчужден компанией «НАТФУД» по налоговой накладной, в результате чего Апелляционный суд зафиксировал, что в ней указано «Колбаса 2 кг», цена «5483,6» драмов. Иными словами, несоответствие маркировки реализованных товаров закону не повлекло за собой никаких финансовых последствий, налогоплательщик не скрывал налоги и не нанес государству материального ущерба, поэтому применение меры налоговой ответственности в размере 500 000 драмов при таких обстоятельствах не вытекает из принципа соразмерности ответственности, установленного Налоговым кодексом Республики Армения»³.

Налоговый кодекс РА, в отличие от Кодекса РА об административных правонарушениях, не предусматривает возможности освобождения от ответственности в случае совершения малозначительного правонарушения. Законом также не определено каких-либо механизмов индивидуализации ответственности, предусмотренной за налоговое правонарушение. При таких обстоятельствах Апелляционный административный суд РА, взяв за основу принцип соразмерности, прямо закрепленный в части 1 статьи 3 Налогового кодекса РА⁴, развил налоговое право вопреки законодательному требованию о применении абсолютно определенной санкции и вывел из принципа соразмерности новое правило поведения, согласно которому лицо может быть освобождено от налоговой ответственности в случае совершения малозначительного правонарушения.

¹ Решение Административного суда РА первой инстанции № ЧГ/6794/05/22 от 19 апреля 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

² Решение Апелляционного административного суда РА № ЧГ/6794/05/22 от 6 мая 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

³ Решение Апелляционного суда РА было обжаловано в Кассационном суде РА, однако последний Постановлением от 16.10.2024 отказал в принятии апелляционной жалобы к производству.

⁴ Налоговый кодекс Республики Армения от 4 окт. 2016 г. ЗО-165-Ն // Официальные ведомости РА. 2016.11.04/79 (1259), ст. 1038.

3.3. Полные и неполные закрытые перечни

В зависимости от полноты перечисления элементов закрытого перечня в конкретной статье закона законодательные закрытые перечни (нормы, их закрепляющие) бывают полными и неполными.

В случае полностью закрытых перечней все элементы списка перечислены в конкретной статье. Например, в статье 12 УПК РА предусмотрен полный закрытый перечень оснований для прекращения уголовного преследования, поскольку в данной статье заключены все основания для прекращения уголовного преследования.

В случае полного закрытого перечня норма не предусматривает ссылки на другую статью, поэтому элементы данного списка не могут быть указаны в других статьях, в противном случае между этими нормами возникнет противоречие.

В случае неполных закрытых перечней основная часть (но не вся) элементов списка перечислена в конкретной статье, однако данный перечень неполный, поскольку в других статьях, возможно, предусмотрены и иные элементы данного списка. Например, в части 1 статьи 389 УПК РА установлен неполный закрытый перечень судебных актов, подлежащих особому пересмотру (непосредственному обжалованию) в Апелляционном суде РА, поскольку в указанном положении, с одной стороны, перечисляются судебные акты, подлежащие обжалованию, а с другой – отмечается, что пересмотру в апелляционном суде РА подлежат также «другие судебные акты в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». В данном случае перечень судебных актов, подлежащих обжалованию в Апелляционном суде РА, закрыт, поскольку такие акты исчерпывающе перечислены в законе. Однако этот перечень неполный, так как конкретная статья содержит ссылку на другие статьи закона, которые могут предусматривать и иные судебные акты, подлежащие обжалованию в Апелляционном суде РА.

Конституционный суд РА в своем Постановлении УЊП-1725 от 16 апреля 2024 г. квалифицировал перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в Административном апелляционном суде РА, как «открытое перечисление» (мы называем его неполным закрытым перечнем). Конституционный суд РА счел перечень актов открытым перечислением на основании формулировки «иные решения подлежат обжалованию в случаях, предусмотренных законом», которая установлена в пункте 12 Кодекса административного судопроизводства РА. Так, Конституционный суд РА отметил: «Часть 1 статьи 131 Кодекса административного судопроизводства РА посредством исчерпывающего перечня устанавливает промежуточные судебные акты, подлежащие

непосредственному обжалованию в порядке апелляционного производства. Вышеуказанное положение Кодекса, по сути, устанавливая исчерпывающий перечень промежуточных судебных актов, подлежащих немедленному обжалованию в порядке апелляционного производства (пункты 1–11 ч. 1 ст. 131), **одновременно** устанавливает посредством данного списка **открытое перечисление** (пункт 12) <...>»¹.

Использованная Конституционным судом РА формулировка «устанавливает посредством данного списка открытое перечисление» не является удачной, поскольку может вызвать путаницу и быть ошибочно принятой за открытый перечень судебных актов, подлежащих обжалованию. В действительности, использованное судом словосочетание «открытое перечисление» не следует отождествлять с открытым перечнем судебных актов, подлежащих обжалованию.

Конституционный суд РА не счел перечень судебных актов, подлежащих обжалованию, открытым на основании формулировки «иные решения в случаях, предусмотренных законом». Напротив, Конституционный суд РА четко указал, что те судебные акты, которые не предусмотрены как в этом списке (общим регулированием), так и специальными регулированиями, установленными законом, не могут быть объектом непосредственного обжалования.

Таким образом, во избежание терминологической путаницы список в приведенных выше ситуациях следует квалифицировать как неполный закрытый перечень.

4. Симулякры законодательных закрытых перечней

4.1. Общие положения

На практике, как правило, не составляет труда определить, является ли законодательное перечисление закрытым или открытым списком. Однако существуют ситуации, когда перечисление, предусмотренное в законе, на первый взгляд напоминает закрытый список, но в действительности это не закрытый перечень, а симулякр (от лат. *simulacrum* – «подобие, копия») закрытого перечня, то есть это подобие закрытого списка, который на самом деле таковым не является.

Решение конкретных правовых вопросов микроуровня (малого масштаба), например вопроса о том, является ли перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию, закрытым или открытым перечнем, в основном не представляет сложности.

Сложнее сформулировать в технике закрытого перечня вопросы макроуровня (крупномасштабные

¹ Постановление Конституционного суда Республики Армения УЊП-1725 от 16 апр. 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы Arlis.

вопросы) или определить, каким является подобный перечень с точки зрения закрытости или открытости. Например, сложности возникают с установлением того, является ли список норм, перечисленных в законе, исчерпывающим (закрытым) или нет, *или* является ли список прав человека, закрепленных в Конституции, исчерпывающим или нет, *или* является ли список принципов права исчерпывающим или нет.

Общий подход заключается в том, что законодательно закрепить закрытый перечень, касающийся вопросов большого масштаба, в принципе невозможно, поэтому недопустимо. Даже если они сформулированы в тексте закона с использованием техники закрытого перечня, это все равно не настоящий закрытый список, а скорее его имитация (симулякр закрытого законодательного перечня).

Порой возникает необходимость обсуждения сложных вопросов правовой формы и содержания для идентификации подобных перечней в качестве закрытых или открытых, даже встречаются случаи, когда возникает необходимость обсуждения более фундаментальных вопросов теории права, например вопросов правопонимания. Так, исследователь, основываясь на юридическом позитивизме и исходя из номинального законодательного перечисления принципов права, может сделать вывод о закрытом законодательном перечне принципов права. Между тем в действительности масштаб принципов права не позволяет применить к ним логику закрытого законодательного перечня или сделать вывод о закрытости законодательного перечня принципов, даже если в тексте закона содержится номинальное перечисление принципов, напоминающее закрытый законодательный список. Если законодатель осуществил перечисление принципов, внешне напоминающее закрытый список, то его следует считать не закрытым перечнем принципов права, а симулякром такого перечня (об этом далее).

Симулякры закрытых перечней, относящихся к масштабным вопросам, создают еще один симулякр «открытия» этого списка согласно логике *contra legem*, однако если что-то является иллюзией, значит, и противопоставление этому – тоже иллюзия. В случае симулякра закрытых перечней логика «открытия» этого списка посредством *contra legem* не работает, хотя такое впечатление и может создаться.

4.2. Симулякры закрытых перечней

в макроправовом измерении

4.2.1. Симулякр закрытого перечня норм, закрепленных в законе

В разное время высказывались мнения о замкнутой системе правовых норм, в том смысле что право – это всеобъемлющая система, в которой нет

пробелов, поэтому перечисленные в ней нормы являются исчерпывающими. Например, Карл Шмитт в своей известной работе отмечал, что Конституция представляет собой замкнутую систему норм [29, с. 59]. В течение многих лет преобладающим мнением было то, что существуют такие закрытые системы права, как, например, система уголовного права, которая признана замкнутой системой из-за правила *nullum crimen, nulla poena sine lege* [2, с. 141].

Вопрос о том, является ли список норм, перечисленных в законе, закрытым или открытым, непосредственно связан с вопросом о возможности наличия законодательного пробела. Если мы исходим из доктрины о том, что закон является всеобъемлющей системой и в нем не может быть пробелов, то это означает, что список норм, перечисленных в законе, закрыт.

В настоящее время признание получает подход, согласно которому даже Конституция и Уголовный кодекс (его общая часть) не являются замкнутыми системами и в них возможны пробелы. Например, в части 3 статьи 4 Уголовного кодекса РА, принятой в 2021 году, прямо указано, что нормы общей части Уголовного закона могут применяться по аналогии, если это не ухудшает положения человека¹. Однако с точки зрения правовой формы перечисление статей в законе создает впечатление, что список норм, закрепленных в законодательстве, также является исчерпывающим. Но когда мы переходим от правовой формы (статьи) к содержанию (норме), то становится ясно, что за формальным закрытым перечнем статей нет объективной реальности. Система правовых норм, закрепленных в статьях закона, не является замкнутой, поскольку всегда возможны пробелы, которые в случае применения аналогии восполняются новыми нормами.

Государство признает факт открытого перечня правовых норм, когда закон (например, Закон-РА «О нормативных правовых актах») разрешает правоприменителям восполнять законодательные пробелы посредством аналогии закона и права. Когда суд на основе аналогии закона и права фактически добавляет новые правила (нормы) в правовой порядок, список статей закона внешне не изменяется, но список правовых норм претерпевает изменения.

Всё это свидетельствует о том, что перечисление статей в законе создает впечатление закрытого перечня правовых норм, однако это всего лишь иллюзия, поскольку в законодательстве всегда возможны пробелы, которые восполняются новыми нормами.

4.2.2. Симулякр закрытого перечня прав человека, закрепленных в Конституции

Является ли перечень прав человека, закрепленных в Конституции, закрытым или нет? Например, есть научные исследования, посвященные обзору

¹ Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. ՅՕ-199-Ն. URL: <https://www.arlis.am/>.

практики Конституционного суда Германии, признавшего ряд прав человека, которые не включены в перечень основных прав, установленных Основным законом 1949 года, в качестве конституционных прав, к примеру, таких как общее личное право [8]. За основу данного подхода берется идея открытого перечня прав человека, перечисленных в Конституции.

В конституционном праве РА на протяжении многих лет признавалась концепция открытого перечня прав человека, и об этом прямо говорилось в тексте Конституции РА. Так, в статье 43 Конституции РА 1995 года было прямо указано: «Права и свободы, закрепленные в Конституции, не являются исчерпывающими и не могут толковаться как отрицание других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина»¹.

Конституционный суд РА в Постановлении УЊН-350 от 22 февраля 2002 г. отметил: «Указанное конституционное положение можно интерпретировать так, что гражданин РА или любое лицо, находящееся под юрисдикцией РА, может иметь не только права или свободы, не прописанные в Конституции, но и такие права и свободы, которые являются логическим продолжением прав и свобод, закрепленных в Конституции РА, или являются дополнительной гарантией, обеспечивающей их реализацию. <...> права и свободы, перечисленные Конституцией РА, не являются исчерпывающими, человек и гражданин могут иметь другие общеизвестные права и свободы <...>. Нормы Конституции о правах и свободах человека носят не запретительный, а уполномочивающий характер»².

В статье 42 Конституции РА в редакции 2005 года положение об открытом перечне основных прав человека, по сути, сохранилось, однако оно было изложено в следующей формулировке: «Основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией, не исключают других прав и свобод, установленных законами и международными договорами»³.

В Конституции РА в редакции 2015 года не предусмотрено специальной нормы относительно открытого перечня основных прав человека, однако это не означает, что подход Учредительной власти к этому вопросу изменился⁴. Просто регулирование открытого перечня основных прав человека было осуществлено по-другому. В статье 39 Конституции РА закреплено основное право человека на свободу действий, которое согласно доктрине «защищает все проявления свободы действий, независимо от того,

имеют ли они формальное закрепление или нет» [6, с. 57]. Армянские юристы отмечают, что право на свободу действий, гарантированное статьей 39 Конституции РА, всеобъемлющим образом защищает все те свободы человека, которые не защищены более конкретными основными правами. В теории основных прав человека право на свободу действий именуется общим основным правом, «заполняющим пробелы», которое в смысле всеобъемлющей защиты свободы и в ее интересах «включает в себя» защиту от всех необоснованных ограничений свобод, не входящих в предмет защиты какого-либо конкретного основного права [14, с. 40].

Таким образом, если в конституции государства прямо не упоминается об открытом перечне основных прав или основные права человека перечислены в виде закрытого перечня, то объем (масштаб) основных прав человека не позволяет считать его закрытым перечнем. Практика показывает, что перечень прав человека, перечисленных в текстах конституций, дополняется новыми правами с помощью различных методов, например посредством расширительного толкования или расширения предмета их защиты.

4.2.3. Симулякр закрытого перечня принципов права, перечисленных в законе

Как уже упоминалось, в законах иногда дается номинальное перечисление принципов отрасли права. В правовой системе РА существуют как открытые, так и закрытые способы законодательного перечисления правовых принципов. Например, в Законе РА «Об основах администрирования и административном производстве» использована техника открытого перечисления принципов. Во второй главе Закона изложены (перечислены) основные принципы администрирования, однако в том же законе прямо указано, что перечисление принципов является открытым. Так, в статье 12 Закона прямо указано, что основные принципы администрирования, установленные настоящей главой, не являются исчерпывающими и не могут быть препятствием для применения иных принципов администрирования.

В других законах предпринимались попытки представить принципы права в формате закрытого перечня. Например, в третьей главе УПК РА перечислены принципы уголовного процесса, однако, в отличие от Закона РА «Об основах администрирования и административном производстве», в УПК РА не предусмотрено нормы о том, что перечисление

¹ Конституция Республики Армения (принята всенародным голосованием 5 июля 1995 г.) // Официальные ведомости РА 1995. Спец. выпуск, ст. 77.

² Постановление Конституционного суда Республики Армения УЊН-350 от 22 февр. 2002 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правовой системы Arlis.

³ Конституция Республики Армения (принята всенародным голосованием 5 июля 1995 г.) с поправками от 27 нояб. 2005 г. // Официальные ведомости РА 2005. Спец. выпуск, ст. 1426.

⁴ Там же. Ст. 1118.

принципов уголовного судопроизводства не является исчерпывающим, в результате чего создается впечатление, что законодательное перечисление принципов уголовного процесса закрыто. Как уже упоминалось, масштаб принципов не позволяет исчерпывающе перечислить их в закрытом законодательном списке или сделать вывод о закрытости перечня принципов. Неслучайно на практике суды РА иногда признают и применяют процессуальные принципы (например, принцип взаимного уважения участников уголовного процесса или принцип процессуальной честности), которые не перечислены в третьей главе УПК РА. Это свидетельствует о том, что суды РА не рассматривают законодательный перечень принципов уголовного процесса как закрытый.

Чтобы развеять иллюзию о закрытом законодательном перечне принципов права, отметим, что даже сторонники юридического позитивизма часто указывают на то, что принципы права – это фундаментальные положения, которые не только непосредственно перечислены в тексте закона, но и получили опосредованное закрепление. В последнее время также упоминается об имплицитных и эксплицитных принципах права, что также преодолевает иллюзию закрытого перечня принципов [15, с. 149–150].

4.3. Симулякры закрытых перечней в микроправовом измерении

Симулякры закрытого перечня иногда встречаются и в микроправовом измерении, то есть в вопросах малого масштаба, например, таковыми являются симулякры исчерпывающего перечня видов доказательств в уголовном процессе РА. Так, в части 1 статьи 86 УПК РА перечислены виды доказательств: 1) показания задержанного; 2) показания обвиняемого; 3) показания потерпевшего; 4) показания свидетеля; 5) заключение эксперта; 6) мнение эксперта; 7) показания эксперта; 8) вещественные доказательства; 9) протоколы доказательственных и других процессуальных действий; 10) внепроцессуальные документы. На первый взгляд, законодатель перечислил виды доказательств в виде закрытого перечня, что создает впечатление, что виды доказательств, предусмотренные частью 1 статьи 86 УПК РА, являются исчерпывающими.

Суждение (утверждение) о том, что законодатель предусмотрел исчерпывающий (закрытый) список видов доказательств, было широко распространено в советской, а теперь и в определенных постсоветских уголовно-процессуальных системах [10, с.

18]. Например, судья С. Марабян в приговоре от 2 октября 2017 г.¹ отметил: «<...> понятие “иной документ” (внепроцессуальный документ) не делает закрытый перечень видов доказательств, определенных законом (принцип *numerus clausus*), открытым. <...> понятие “иной документ” должно толковаться ограниченно, в противном случае при расширительном толковании понятия “иной документ” закрытый перечень видов доказательств, определенных законом (принцип *numerus clausus*) фактически становится открытым, что позволяет «вводить» в уголовное производство под наименованием “иной документ” все, что угодно, что в принципе противоречит основополагающим положениям доказательственного права, лежащим в основе УПК РА, в частности, правилам допустимости доказательств, четкого перечисления законом видов доказательств или концепции закрытого перечня»².

Приведем еще один пример. Апелляционный уголовный суд РА в решении от 9 июля 2018 г. указал: «<...> в основу обвинительного приговора могут быть положены исключительно доказательства, закрытый перечень которых четко определен Кодексом (принцип *numerus clausus*), и в них не предусмотрено такого доказательства как “объяснение” представителя потерпевшего или какого-либо другого лица (уголовное дело № S7-1/0003/01/18)».³

Суды Армении, делая заявления о закрытом перечне видов доказательств, попали в ловушку «первого впечатления». На самом деле этот список не является исчерпывающим (закрытым). Перечисление видов доказательств в законе создает иллюзию закрытого перечня. Дело в том, что в постсоветском уголовном процессе в качестве доказательств используются «иные документы» или «внепроцессуальные документы», посредством которых в уголовный процесс официально вводятся данные, не включенные в законодательный перечень видов доказательств. Например, документы и носители информации, созданные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не отнесены процессуальным законодательством к видам уголовно-процессуальных доказательств, однако они всегда использовались в качестве доказательств через категорию «иные документы».

Суждение о том, что законодательство предусматривает исчерпывающий список доказательств, создает ложные ожидания законности. Между тем для законности процесса доказывания принципиальным является не исчерпывающий перечень видов доказательств, а исчерпывающий перечень предусмотренных законом способов (доказательственных действий) собирания доказательств.

¹ Решение суда РА первой инстанции общей юрисдикции № БЦУГ/0030/01/16 от 2 окт. 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

² Указанный судебный акт был вынесен в период действия УПК РА от 1998 г., поэтому следует отметить, что в акте использованы формулировки, не предусмотренные новым УПК РА.

³ Решение Апелляционного суда РА № S7 1/0003/01/18 от 9 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы DataLex.

Например, интервьюирование потерпевшего сотрудником полиции не является процессуальным способом собирания доказательств, поэтому видеозапись интервью не является доказательством не потому, что такой вид доказательства не предусмотрен законом (его можно считать внепроцессуальным документом), а потому, что законом не предусмотрена возможность собирания доказательств таким способом. Основным процессуальным способом получения

данных от жертвы преступления является не интервью, а допрос.

Как уже отмечалось, формулировка статьи 86 части 1 УПК РА создает впечатление, что законодатель предоставил исчерпывающий перечень видов доказательств, однако в данном случае мы имеем дело с иллюзией исчерпывающего перечня видов доказательств. Так, в части 1 статьи 86 УПК РА документы, составленные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не отнесены к видам доказательств, а в части 2 этой же статьи прямо запрещается использование в качестве доказательств по уголовному делу документов, составленных в результате оперативно-розыскных мероприятий, а также сведений, зафиксированных на каких-либо носителях информации. Иллюзорность всего этого обосновывается тем, что законодатель в определенных ситуациях всё же признал в качестве доказательств документы, составленные в результате оперативно-розыскных мероприятий, а его процессуальной формой – внепроцессуальный документ (ст. 96 УПК РА). Получается, что документы, составленные в результате оперативно-розыскных мероприятий, хотя и не указаны в закрытом перечне видов доказательств, предусмотренных частью 1 статьи 86 УПК РА, считаются доказательством – внепроцессуальным документом. Более того, в части 1 статьи 86 УПК РА результаты проверки или повторной проверки, проведенной по инициативе органа, осуществляющего производство, не отнесены к видам доказательств, но законодатель вновь отнес их к внепроцессуальным документам.

Кроме того, протоколы, составленные в результате иных процессуальных действий в соответствии с пунктом 9 части 1 статьи 96 УПК РА, являются видом доказательств, с помощью которых можно квалифицировать в качестве доказательств протоколы ряда процессуальных действий, не считающихся доказательственными действиями¹.

Российские теоретики также критиковали законодательное регулирование закрытого перечня видов доказательств, однако причина их критики иная. Они считают составление исчерпывающего перечня видов доказательств абсурдным, избыточным и вредным подходом исключительно по той причине, что такой список ограничивает возможности следователя защищать интересы потерпевшего и государства, такой список противоречит принципу свободной оценки доказательств и необоснованно препятствует возможному развитию средств доказывания [13, с. 217].

Исследования показывают, что в англо-саксонской и романо-германской процессуальных системах отсутствуют законодательные положения или теоретические суждения об исчерпывающем перечне видов доказательств [12]. Например, в статье 427 УПК Франции доказывание не ограничивается использованием доказательств, предусмотренных этим Кодексом, поскольку закон не содержит исчерпывающего или неисчерпывающего перечня видов доказательств. Данное обстоятельство прямо закреплено в части 1 статьи 81 УПК Франции, где указано, что следственный судья уполномочен в соответствии с законом осуществлять любые действия по собиранию информации, которые он считает необходимыми для установления истины. Следовательно, использование новых доказательств во французском уголовном процессе в принципе не является проблемой (например, электронные документы с цифровой подписью, компьютерная информация и т. д.) [7, с. 134].

В итальянском уголовном процессе, помимо видов доказательств, предусмотренных законом (типичные доказательства: свидетельские показания, заключение эксперта, результаты эксперимента, предъявленные для признания), при соблюдении определенных условий допускаются также средства доказывания, не предусмотренные законом (нетипичные (атипичные) доказательства). В соответствии со статьей 189 УПК Италии судья разрешает использование нетипичных доказательств только в том случае, если он считает, что они подходят для проверки фактов и не наносят ущерба моральной свободе человека [3, с. 152].

Заключение

На основе полученных результатов научно-практического исследования можно прийти к следующим выводам.

¹ В уголовном процессе РА результаты гипноза или детектора лжи не могут использоваться в качестве доказательств, что обусловлено не тем обстоятельством, что в ч. 1 ст. 86 УПК РА такой вид доказательств не предусмотрен, а тем, что законодатель запретил их использование (ч. 8 ст. 18, п. 6 ч. 3 ст. 97 УПК РА). Если на мгновение предположить, что законодатель изменил свой подход к получению доказательств с помощью гипноза и разрешил его, то в случае такого изменения не было бы необходимости предусматривать отдельный вид доказательств для данных, полученных с помощью гипноза, они будут использоваться либо как заключение эксперта, либо как показания.

1. Законодательные перечни представляют собой системы, состоящие из элементов, имеющих юридическое значение, и бывают двух видов: закрытые (*numerus clausus*) и открытые (*numerus apertus*). Установленный законом закрытый перечень *numerus clausus* представляет собой систему, состоящую из исчерпывающего перечисления элементов, имеющих юридическое значение, которая, выступая в качестве символа правового запрета, считает недопустимым выполнение юридически значимых операций с элементами, не предусмотренными в этом списке. Тем самым законодательный закрытый перечень как юридический символ содержит косвенный (имплицитный) запрет.

2. Критический анализ судебной практики доказывает, что нормы закрытых перечней не подлежат расширительному толкованию, а попытки судов «расширить» закрытый перечень на самом деле являются формой развития права *contra legem*, а не расширительным толкованием. Таким образом, суды осуществляют «открытие» закрытых законодательных перечней посредством развития права *contra legem* и их восполнение посредством развития права *extra legem*.

3. Закрытые перечни могут классифицироваться согласно расположению в элементах правовых норм. При этом закрытый перечень, содержащийся в санкции, предусматривает исчерпывающий перечень видов наказаний и не может быть ни на каком основании восполнен посредством *extra legem* или «открыт» посредством *contra legem*. Указанный перечень может быть изменен только законодателем.

4. Анализ законодательства выявил симулякры закрытых перечней, создающих иллюзию исчерпывающего списка. Симулякры закрытых законодательных перечней, относящихся к вопросам макроуровня, создают ложное впечатление, что всевозможные принципы, нормы права или права человека уже перечислены в законе, что, однако, не соответствует реальности, сложности и многогранности права, а только ограничивает правоприменительную практику.

5. Для формулирования открытого перечня используются два основных способа перечисления: простое перечисление и перечисление конкретизирующего характера (с применением конкретизирующих языковых средств). Перечисления конкретизирующего характера излагаются с применением слов «в частности», «среди прочих», «например», «включая», что указывает на то, что указанные в списке обстоятельства, права и иные элементы являются наиболее очевидными, но не исчерпывающими, что, соответственно, не исключает того, что правоприменитель может выявить и иные, не предусмотренные в перечне элементы и обстоятельства. При этом необходимо отличать открытые перечни от неполных закрытых перечней, в которых не все эле-

менты списка технически содержатся в одной конкретной статье, а могут частично располагаться и в иных статьях.

6. Что касается включения правоприменителями новых элементов в простые и конкретизирующие открытые перечни, то в обоих случаях для этого используется правило толкования *analogia intra legem*, согласно которому в открытый перечень могут быть добавлены элементы, аналогичные элементам, перечисленным в списке.

7. Согласно смыслу максимы *Expressio unius est exclusio alterius*, если закон явно упоминает определенные категории, это подразумевает, что те категории, которые прямо в законе не упомянуты, намеренно исключены законодателем из текста закона. В англо-американской традиции, где данная максима получила наибольшее применение, ее чаще называют *не максимой, а правилом толкования*. Данное правило достаточно часто применяется судами Республики Армения при толковании закрытых законодательных перечней, что обусловлено в том числе заимствованием армянской судебной практикой некоторых черт прецедентного права стран Общего права.

8. Приведенная выше максима состоит в логической и содержательной связи с закрытым перечнем *numerus clausus*, так как оба указанных правовых инструмента применяются для ограничения чрезмерно произвольного толкования текста закона правоприменителями, оба препятствуют необоснованному расширению различных закрытых перечней и списков, которые установлены законом. Так, *expressio unius* подразумевает исключение из правового регулирования тех элементов, которые прямо не упомянуты в тексте закона, а *numerus clausus* изначально вводит в закон исчерпывающий перечень элементов, объектов или прав. При этом *expressio unius* является собой инструмент интерпретации и анализа юридических текстов, а *numerus clausus* выполняет функцию нормативного ограничения, которое зачастую служит препятствием для создания объектов или новых правовых категорий, не предусмотренных законодателем.

Следует учесть, что порой сугубо механическое применение *expression unius* судами, без учета контекста закона, может привести к ошибочной интерпретации закона и абсурдным результатам, не соответствующим намерениям законодателя.

Библиографический список

1. Алдошкина А. Д. Numerus clausus вещных прав: происхождение и обоснование догматической конструкции // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 4. С. 45–93. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-4-45-93.

2. Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В., Герденфорс П., Макинсон Д. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 380 с.
3. Барабанов П. К. Уголовный процесс Италии. М.: Спутник+, 2019. 467 с.
4. Ефимов В. В. Лекции истории римского права. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1887. 494 с.
5. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. М.: Инфотропик, 2018. 1028 с.
6. Лейбо Ю. И., Толстопятенко Г. П., Экштайн К. А. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / под ред. К. А. Экштайна. М.: ЭКОМ, 2000. 447 с.
7. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и государств англо-американской и романо-германской правовых семей: учеб. пособие / под науч. ред. А. Г. Волеводза. М.: Прометей, 2022. 466 с.
8. Нуссбергер А. Новые конституционные права в Основном законе Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 51–57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57.
9. Понтович Э. Э. Философия права. Часть I: Общее учение о праве. Кинешма: Типография Иваново-Вознесенского Губсоюза Потребительных Обществ, 1920. 100 с.
10. Попов А. П., Попова И. А., Зинченко И. А. Проблемы современного уголовно-процессуального доказательственного права: монография. Пятигорск, 2019. 196 с.
11. Сеницын С. А. Numerus clausus и субъективные права: понятие, значение, взаимосвязь // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 2. С. 100–147.
12. Смирнов А. В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. С. 20–23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23.
13. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 376 с.
14. Իրավունքի ընդհանուր տեսության հիմնախնդիրները: Ուսումնական ձեռնարկ: Գիտ. խմբ. Ա. Ղամբարյան. Երևան. Քոփի Փրինտ, 2024. 492 էջ.
15. Ղամբարյան Ա., Ղազարյան Ա., Թադևոսյան Ա. Հայաստանի Հանրապետության բրեական դատավարություն (օրենսդրությունը, սկզբունքները, և սուբյեկտները): Գիտաուսումնական ձեռնարկ. Գիտ խմբ. Ա. Ղամբարյան. Երևան. Տիգրան Մեծ, 2024. 584 էջ.
16. Fellmeth A. X., Horwitz M. Guide to Latin in International Law 2nd ed. Oxford University Press, 2021. Online Version. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780197583104.001>.
- 0001/acref-9780197583104 DOI: 10.1093/acref/9780197583104.001.0001.
17. Akkermans B. The Numerus Clausus of Property Rights. Maastricht Faculty of Law Working Paper. 2015. Issue 10. URL: <https://ssrn.com/abstract=2693667>.
18. Barrett A. C. Substantive Canons and Faithful Agency // Boston University Law Review. 2010. Vol. 90. Rev. 109. Pp. 109–181. URL: <https://www.bu.edu/law/journals/archive/bulr/documents/barrett.pdf>.
19. Benson T. B. Rules and Aids to Statutory Construction // The Virginia Law Register 1. 1915. № 7. Pp. 512–14. DOI: 10.2307/1105492.
20. Black's Law Dictionary. 4th ed. West Publishing Co., 1968. 1882 p.
21. Clover A.L. The Numerus Clausus as a Meta-principle of Trusts Law: Hiding in Plain Sight? // Trust Law International. 2024 № 205. Pp. 1–21. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4652609 DOI: 10.2139/ssrn.4652609.
22. Cross F. B. The Theory and Practice of Statutory Interpretation. Redwood City: Stanford University Press, 2009. 248 p. DOI: 10.1515/9780804769815-005.
23. Ghazi M. I. What are the difference between noscitur a sociis and ejusdem generis? URL: <https://www.linkedin.com/pulse/what-difference-between-noscitur-sociis-ejusdem-generis-ghazi-qelvf>
24. Lenehan E. Brief Guide to the Influence of Latin on English Law. March 2022. URL: <https://coniston-associates.co.uk/what-have-the-romans-ever-done-for-us/>
25. Marseglia C. La conservazione degli effetti negoziali tra principi e clausole generali. Trento: Università degli Studi di Trento. Unitn E-Prints, Novembre 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/47649678_La_conservazione_degli_effetti_negoziali_tra_principi_e_clausole_generali
26. Oxford English Dictionary, s.v. «expressio unius (n.)». 2023. July. Online version. URL: <https://doi.org/10.1093/OED/6798057030>
27. Paal K. The numerus clausus Principle and the Type Restriction – Influence and Expression of These Principles. Demonstrated in the Area of Common Ownership and Servitude // Juridica International. 2012. Vol. XIX. Pp.32–39
28. Sarvade S. Principles of Ejusdem Generis and Noscitur a Sociis: A Comprehensive Analysis // International Journal of Research Publication and Reviews. 2024. Vol 5. № 4. Pp. 8390–8392.
29. Schmitt C. Constitutional theory. Durham and London. Duke University Press, 2008. XIX+468 p. DOI: 10.4324/9781315231884.
30. Eskridge W. N., Frickey Ph. P., Garrett E. Cases and Materials on Legislation: Statutes and the Creation of Public Policy (American Casebook Series). 4th ed. West Academic Publishing, 2007. 1367 p.

References

1. Aldoshkina A. D. *Numerus clausus veshchnykh prav: proiskhozhdenie i obosnovanie dogmaticheskoy konstruktsii* [Numerus Clausus of Proprietary Rights: Origin and Justification of the Dogmatic Construction]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2020. Vol. 20. Issue 4. Pp. 45–93. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-4-45-93. (In Russ.).
2. Alchourrón C. E., Bulygin E. V., Gärdenfors P., Makinson D. «*Normativnye sistemy*» i *drugie raboty po filosofii prava i logike norm* [‘Normative Systems’ and Other Works on Philosophy of Law and Logic of Norms]. St. Petersburg, 2013. 380 p. (In Russ.).
3. Barabanov P. K. *Ugolovnyy protsess Italii* [Criminal Procedure of Italy]. Moscow, 2019. 467 p. (In Russ.).
4. Efimov V. V. *Lektsii istorii rimskogo prava* [Lectures on the History of Roman Law]. St. Petersburg, 1887. 494 p. (In Russ.).
5. *Izbrannye resheniya Federal'nogo Konstitutsionnogo Suda Germanii* [Selected Decisions of the Federal Constitutional Court of Germany]. Moscow, 2018. 1028 p. (In Russ.).
6. Leybo Yu. I., Tolstop'yatenko G. P., Eckstein K. A. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k glave 2 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii «Prava i svobody cheloveka i grazhdanina»* [Scientific and Practical Commentary on Chapter 2 of the Constitution of the Russian Federation ‘Rights and Freedoms of Man and Citizen’]. Moscow, 2000. 447 p. (In Russ.).
7. *Nedopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i gosudarstv anglo-amerikanskoy i romano-germanskoy pravovykh semey* [Inadmissibility of Evidence in the Criminal Process of the Russian Federation and States of the Anglo-American and Romano-Germanic Legal Families]: a textbook. Ed. by A. G. Volevodz. Moscow, 2022. 466 p. (In Russ.).
8. Nussberger A. *Novye konstitutsionnye prava v Osnovnom zakone Germanii* [New Constitutional Rights in the German Basic Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2023. Issue 5 (156). Pp. 51–57. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-51-57. (In Russ.).
9. Pontovich E. E. *Filosofiya prava. Chast 1: Obshchee uchenie o prave* [Philosophy of Law. Part I: General Theory of Law]. Kineshma, 1920. 100 p. (In Russ.).
10. Popov A. P., Popova I. A., Zinchenko I. A. *Problemy sovremennogo ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava* [Problems of Contemporary Criminal Procedural Evidence Law]: a monograph. Pyatigorsk, 2019. 196 p. (In Russ.).
11. Sinitsyn S. A. *Numerus clausus i sub"ektivnye prava: ponyatie, znachenie, vzaimosvyaz'* [Numerus Clausus and Subjective Rights: The Concept, Significance, Interrelations]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2014. Vol. 14. Issue 2. Pp. 100–147. (In Russ.).
12. Smirnov A. V. *K voprosu o priznanii dokazatel'stv nedopustimymi v ugolovnom protsesse: ekzistentsial'nyy printsip* [On Acknowledging Evidence Inadmissible in Criminal Proceedings: The Existential Principle]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* – Criminal Judicial Proceeding. 2024. Issue 3. Pp. 20–23. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-3-20-23. (In Russ.).
13. Tomin V. T. *Ugolovnyy protsess: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal Procedure: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2009. 376 p. (In Russ.).
14. *Iravunqi yndhanur tesutyan himnakhndirner* [Issues of the General Theory of Law]: a textbook. Ed. by A. Ghambaryan. Erevan: Tigran Mets, 2024. 492 p. (In Arm.).
15. Ghambaryan A., Ghazaryan A., Tadevosyan A. *Hayastani Hanrapetutyan greakan datavarutyun (oren-sdrutyune, skzbunknere ev subektnere)* [Criminal Procedure of the Republic of Armenia: Legislation, Principles, and Subjects]: a scientific-educational textbook. Ed. by A. Ghambaryan. Erevan: Tigran Mets, 2024. 584 p. (In Arm.).
16. Fellmeth A. X., Horwitz M. *Guide to Latin in International Law*. 2nd ed. Oxford University Press, 2021. Available at: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780197583104.001.0001/acref-9780197583104>. DOI: 10.1093/acref/9780197583104.001.0001. (In Eng.).
17. Akkermans B. The Numerus Clausus of Property Rights. *Maastricht Faculty of Law Working Paper*. 2015. Issue 10. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2693667>. (In Eng.).
18. Barrett A. C. Substantive Canons and Faithful Agency. *Boston University Law Review*. 2010. Vol. 90. Pp. 109–181. Available at: <https://www.bu.edu/law/journals-archive/bulr/documents/barrett.pdf>. (In Eng.).
19. Benson T. B. Rules and Aids to Statutory Construction. *The Virginia Law Register*. 1915. Issue 7. Pp. 512–514. DOI: 10.2307/1105492. (In Eng.).
20. *Black's Law Dictionary*. 4th ed. West Publishing Co, 1968. 1882 p. (In Eng.).
21. Clover A. L. The Numerus Clausus as a Meta-Principle of Trusts Law: Hiding in Plain Sight? *Trust Law International*. 2024. Issue 205. Pp. 1–21. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4652609. DOI:10.2139/ssrn.4652609. (In Eng.).
22. Cross F. B. *The Theory and Practice of Statutory Interpretation*. Redwood City: Stanford University Press, 2009. 248 p. DOI: 10.1515/9780804769815-005. (In Eng.).
23. Ghazi M. I. *What Are the Difference between noscitur a sociis and ejusdem generis?* Available at: <https://www.linkedin.com/pulse/what-difference-between-noscitur-sociis-ejusdem-generis-ghazi-qelfv>. (In Eng.).
24. Lenehan E. *Brief Guide to the Influence of Latin on English Law*. March 2022. Available at: <https://coniston-associates.co.uk/what-have-the-romans-ever-done-for-us/>. (In Eng.).

25. Marseglia C. La conservazione degli effetti negoziali tra principi e clausole generali. Trento: Università degli Studi di Trento; Unitn E-Prints, 2010. Available at: https://www.researchgate.net/publication/47649-678_La_conservazione_degli_effetti_negoziali_tra_principi_e_clausole_generali. (In It.).

26. *Oxford English Dictionary*, 'expressio unius (n.)'. 2023, July. DOI: 10.1093/OED/6798057030. (In Eng.).

27. Paal K. The numerus clausus Principle and the Type Restriction – Influence and Expression of These Principles. Demonstrated in the Area of Common Ownership and Servitude. *Juridica International*. 2012. Vol. XIX. Pp. 32–39. (In Eng.).

28. Sarvade S. Principles of Ejusdem Generis and Noscitur a Sociis: A Comprehensive Analysis. *International Journal of Research Publication and Reviews*. 2024. Vol. 5. Issue 4. Pp. 8390–8392. (In Eng.).

29. Schmitt C. *Constitutional Theory*. Durham and London: Duke University Press, 2008. XIX+ 468 p. DOI: 10.4324/9781315231884. (In Eng.).

30. Eskridge W. N., Frickey Ph. P., Garrett E. *Cases and Materials on Legislation: Statutes and the Creation of Public Policy* (American Casebook Series). 4th ed. West Academic Publishing, 2007. 1367 p. (In Eng.).

Информация об авторах:

А. С. Гамбарян

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой теории права и конституционного права
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123

ORCID: 0000-0002-6322-4664

ResearcherID: AAT-8467-2021

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.31857/S013207690002203-5

DOI: 10.17223/15617793/438/27

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765

DOI: 10.21638/spbu14.2021.315

DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110

DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).322-331

DOI: 10.21638/spbu14.2024.113

DOI: 10.31857/S102694520025195-5

DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-552-567

DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24

DOI: 10.24234/wisdom.v24i4.947

Л. Г. Даллакян

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории права и конституционного права
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123

ORCID: 0000-0002-7539-0707

ResearcherID: N-6360-2019

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.31857/S013207690002203-5

DOI: 10.17223/15617793/438/27

DOI: 10.21638/spbu14.2021.418

DOI: 10.17223/15617793/487/22

About the authors:

A. S. Ghambaryan

Russian-Armenian University
123, Hovsep Emin st., Yerevan, 0051,
Republic of Armenia

ORCID: 0000-0002-6322-4664

ResearcherID: AAT-8467-2021

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.31857/S013207690002203-5

DOI: 10.17223/15617793/438/27

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-754-765

DOI: 10.21638/spbu14.2021.315

DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-84-110

DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).322-331

DOI: 10.21638/spbu14.2024.113

DOI: 10.31857/S102694520025195-5

DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-552-567

DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24

DOI: 10.24234/wisdom.v24i4.947

L. G. Dallakyan

Russian-Armenian University
123, Hovsep Emin st., Yerevan, 0051,
Republic of Armenia

ORCID: 0000-0002-7539-0707

ResearcherID: N-6360-2019

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.31857/S013207690002203-5

DOI: 10.17223/15617793/438/27

DOI: 10.21638/spbu14.2021.418

DOI: 10.17223/15617793/487/22